

детективная мелодрама

Талина РОМАНОВА

*Демон
искушения*

Детективная мелодрама

Галина Романова
Демон искушения

«ЭКСМО»

2008

Романова Г. В.

Демон искушения / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2008 — (Детективная мелодрама)

ISBN 978-5-699-27712-4

Юлия Миронкина не зря считала себя самой счастливой женщиной на земле. Муж-красавец. Дом – полная чаша. В семье царят мир и гармония. Что спрашивается, еще надо для счастья?! Живи и радуйся! Вот она и радовалась. Ровно до того момента, как Степан, ее ненаглядный любимый муж, погиб. Страшно и нелепо. А еще большей нелепостью оказалась страховка на полмиллиона долларов. Именно на такую сумму Степан застраховал свою жизнь. А вот жизнь и свобода самой Юли из-за этих денег теперь практически висят на волоске... Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений. В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда — сама жизнь. Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание. Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

ISBN 978-5-699-27712-4

© Романова Г. В., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	22
Глава 4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Галина Романова

Демон искушения

Глава 1

Ее ожидание не было утомительным. Оно было спокойным, блаженным, не обремененным скачками секундной стрелки часов. Ей было все равно, сколько прошло времени и сколько еще оставалось. Неважно было даже то, что ждать, возможно, придется до вечера. Все равно! Все равно уже сегодня она поедет к морю с мужем, которого очень уважала, любила и вообще боготворила, совсем забыв, что творить себе кумира – богопротивное занятие. Вернее, не позабыла, а просто не ломала голову над тем, нарушает она заповеди или нет. Это только ее личное, и поделаться с этим она ничего не могла.

– Настораживает тот факт, что жертвами мошенников становятся вполне нормальные люди! – уверял с экрана какой-то безликий тип, без конца теревивший шариковую ручку. Хотя это вполне могло быть у него и нервным. Мало ли, переволновался человек, не каждый же день тебя снимают камеры. И от конфузливости незнания, куда в момент съемки девать незанятые руки, щелкает затвором авторучки. – Граждане, прошу вас быть бдительными! – призывал через слово все он же. – Изощренность мошенников не знает пределов. С каждым годом они все более изобретательны! Преступники не гнушаются ничем. Играют на слабых местах своих жертв...

Она невольно прислушалась, тут же задавшись вопросом: а какое у нее слабое место, интересно? Чем ее можно поддеть и заставить поверить в откровенное вранье и «разводиловое», как любят говорить ее подопечные? В чем ее уязвимость?

– Когда человека охватила паника, он очень редко способен включить свой здравый смысл, – продолжал предостерегать хмурый, безликий мужчина с очень суровым видом.

Поверить в то, что он в самом деле сочувствует обманутым людям, ставшим жертвами матерых мошенников, было очень сложно. Не было в нем сочувствия, скорее усталость. Да, да, именно усталым раздражением несло от каждого его слова. Так и читался скрытый подтекст его выступления: ну до какой же поры вы будете такими тупыми, граждане, когда наконец вы позволите нам, несчастным, отдохнуть, сколько можно выручать вас из всякого рода неприятностей...

Вот что было написано на лице майора Невзорова – так представил его ведущий в самом начале передачи, именно это удалось ей рассмотреть одним глазом. Второй лениво дремал, вжатый в подушку.

Майор и правда, наверное, устал, подумала она с невольной жалостью, которая возникла скорее от спокойного ее безмятежного ожидания, а не от искреннего сочувствия.

Устал, измотался, недосыпает, ест урывками, все больше на ходу и всухомятку. Еще он много курит, порой выпивает с коллегами, ежедневно накачивается дрянным кофе. К тому же наверняка обладает скверным характером.

А какой еще может быть характер у человека с таким не улыбочивым тяжелым взглядом, едва пробивающимся из-под набрякших век? Конечно, скверный. Он, этот Невзоров, вечно думает, размышляет, связывает расплывающиеся концы с концами в расследованиях, оттого у него и лоб весь в морщинах, и цвет лица серый, и рот скупно поджат. Его ведь и ночами наверняка с постели поднимают, и из-за праздничного стола выдергивают, и он не может себе «стопудово» – так тоже любят говорить ее подопечные – позволить такое вот ничегонеделанье. Он сочтет это преступным и безответственным. Нельзя терять время на то, чтобы просто лежать,

ни о чем не думать, ничего не делать. А паузу ожидания можно заполнить чем-то полезным. К примеру, пол лишней раз подмести.

– Брюзга, – обозвала она едва слышно Невзорова и даже показала ему язык, будто он мог это увидеть.

– Не отмахивайтесь от моих слов, – неожиданно заявил Невзоров с упреком, будто ухитрился за ней проследить. Она даже покраснела, честное слово. – Есть хорошая французская поговорка: «В опасении половина спасения!» Очень мудрые слова, прислушайтесь к ним. Если вы сами не озаботитесь своей личной безопасностью, безопасностью вашего жилища, то кто сделает это за вас?..

Настроение неожиданно испортилось. Просто лежать и ничего не делать расхотелось, и Юля, сбросив ноги с дивана, встала. Посмотрела на свои измятые домашние брюки цвета слоновой кости, на задрвшуюся на пупке майку, тут же нашла, что лак на обоих мизинцах облупился, и проворчала:

– Вот все твои слабые места, дорогая!

Муж с минуты на минуту вернется со службы, а она выглядит так, будто только что закончила генеральную уборку двухэтажного дома, приготовила обед на семью из десяти человек и...

Этого же не было ничего!

Не было двухэтажного дома – всего лишь большая благоустроенная квартира из трех огромных комнат, столовой, ванной, душевой и пары туалетов. И генеральной уборкой она не занималась, с этим благополучно справлялась приходящая домработница, которую порекомендовали соседи по подъезду со второго этажа.

Не было семьи из десяти человек. Только она – Юля и ее муж – Степан. И обеды она не готовила. Этим занималась все та же Мария Ивановна, домработница с рекомендациями.

Юля же была освобождена от гнета семейного быта. Полностью. Раз и навсегда. Это было первое требование Степана.

– Моя жена должна быть женщиной, а не кухаркой, – заявил он безапелляционно, целуя огромный волдырь на ее пальце, который она ухитрилась посадить, ухватившись за огненную ручку кастрюли. – Мы можем позволить себе это, милая. Ради чего тогда работать?..

Работой, правда, ее занятия можно было назвать с большой натяжкой, но платили неплохо.

Имея высшее филологическое образование, она подтягивала отстающих оболтусов из хороших семей по русскому и литературе.

Их было не так уж много – всего четверо. Приходили они к ней парами через день и занимались по два-три часа. Разве же это работа? Она и не уставала совсем. Ее как раз все это развлекало. Дети ее любили, старательно писали под диктовку, зубрили правила и слушали километровые отрывки стихотворений, которые она им читала с упоением наизусть.

Время пролетало незаметно. И заработанных денег вполне хватало на то, чтобы покрывать расходы: содержание домработницы, массажный и косметический салоны и не очень дорогие подарки Степану. В общем, помимо денег, эта работа приносила другие радости: можно было смело спать допоздна, совершенно свободно распоряжаться своим временем и порой устраивать себе праздное времяпрепровождение, шатаясь по квартире в домашнем костюме.

– Красотка, сказать нечего! – фыркнула Юля своему отражению в огромном зеркале.

Выглядела она сейчас в самом деле не очень – на слабую троечку едва выглядела.

От долгого лежания на диване штаны и майка помялись, волосы спутались, лицо чуть припухло, а на одной щеке образовалось два перекрещивающихся красных следа от подушки. И это за пару часов до отъезда!

Кошмар, покачала бы головой Мария Ивановна.

Непорядок, дернул бы подбородком Степан.

Полный отстой, хмыкнули бы ее подопечные.

Для исправления ситуации требовалось срочно в душ – под контрастные струи. Потом вооружиться бытовыми электроприборами, в плане электрических расчесок и фена. Залить физиономию нежной эмульсией с концентратом клубничного сока, пощелкать по щекам, покусать губы и только после этого можно было представлять пред светлые любимые очи.

Очи при встрече оказались слегка затуманенными.

– Устал, – отбрыкнулся Степка от ее объятий и поплелся, сильно приволакивая ноги, в душ. – Я шас, погоди...

Годить пришлось почти час. Степка за пластиковой дверью душевой будто целый батальон купал. Гремел чем-то, плескался, жужжал электробритвой и все никак не хотел выходить.

– Степ, ну мы едем сегодня или нет? – ныла она под дверью и корябалась. – У меня уже все собрано. Сам говорил, что в ночь выедем!

– Ап!

Выпрыгнул он из душа совершенно неожиданно, когда она уже, устав ждать, взяла курс на гостиную. Тут же обхватил ее сзади, прижал к себе и поцеловал в шею, потершись гладко-выбритой щекой о ее щеку.

– Чего такая кислая?

– А чего не киснуть? – притворно заныла Юля. – Пришел темнее тучи, заперся, не выходишь, на вопросы не отвечаешь.

– Какие вопросы, Юлек?

– Едем сегодня или нет?

– Давай завтра с утра, а? – Муж повернул ее к себе и заглянул самыми прекрасными на свете голубыми глазищами ей прямо в душу. – Отдохнем, выспимся, а с утра пораньше в путь. Как тебе такая перспектива?

Перспектива ей не понравилась. Дорожные сумки были собраны. Провизия в дорогу, приготовленная Марией Ивановной, тоже. Та зажарила курочку, напекла немислимых слоек, которые не крошились в руках, а таяли во рту, нарезала тонкими пластинками сыр, намыла яблоки и груши. Все это очень аккуратно упаковала в плетеную корзинку, перестелив чистыми полотенцами. И что теперь? Все снова доставать? Распаковывать, убирать в холодильник курицу, которая к утру непременно покроется жиром? Фу, есть не захочешь...

– Утром значит утром, – кивнула она, улыбнувшись мужу.

Упаси бог с ним спорить. Такого она себе не позволяла никогда. И не потому, что не желала нелепых скандалов в доме, а просто потому, что почти всегда считала его правым. Он же умница – ее обожаемый муж. Умный и рассудительный. Если счел необходимым выехать завтра утром, стало быть, так надо.

Необходимость остаться дома еще на один вечер скоро и проявилась.

– Ты иди ложись спать, а я еще немного поработаю, – поцеловав ее в лоб, пробормотал Степан и раскрыл ноутбук на коленках, устраиваясь удобнее в кресле. – Нужно кое-что доделать, сбросить по электронке, дожждаться одобрения, а тогда уж...

– И в дорогу пора, да? – рассмеялась Юля. – Ты же устал. Отдохнуть хотел, Степ.

– Мы куда с тобой едем вообще, я не понял? – шутливо повысил он голос. – На отдых, так ведь?

– Ну, да.

– Вот там и отдохнем. Иди, детка, отдыхай. А то будешь завтра носиком клевать всю дорогу. А мне собеседник нужен...

Собеседник из нее получился никудышный. Невзирая на то, что проспала всю ночь как убитая. Даже не слышала, как Степан пришел. Стоило им отъехать от города за сотню километров, как Юлю потянуло в сон.

Пейзаж за окном был однообразен и вскоре начал наводить на нее уныние заросшими сорняком пустошами и кособокими домами в придорожных деревьях.

– Как же люди здесь живут, Степа?! Ужас просто! – восклицала она поначалу, до того, как принялась клевать носом. – Грязь какая... Запустение... Нельзя же так!

– Их это, возможно, устраивает, – равнодушно дергал он плечами.

– Но как может такое устраивать?!

– Не устраивало бы, попытались что-нибудь изменить. Траву в палисаднике покосить, к примеру. Ленив мужик, милая, очень ленив. Только и может, что завидовать да на соседское добро зариться. Столько вора, столько мошенников, ты себе не представляешь!

– Ты знаешь, вчера передача шла по телевизору, – вспомнила она неожиданно про неулыбчивого Невзорова. – Так вот там...

Она вкратце рассказала Степану обо всех предостережениях майора.

– Ну вот! А я что говорил?! – подхватил тут же Степан. – Вместо того, чтобы свою смекалку использовать в нужном направлении, они изошряются в преступлениях. До такого порой додумаются, что диву просто даешься. С психологией опять-таки у них все поставлено...

– Да! – перебила его Юля, снова вспомнив слова из передачи. – Об этом он тоже говорил. Мол, мошенники находят слабые, уязвимые места и играют на этом.

– Вот-вот. И это все вместо того, чтобы работать. Зачем, к примеру, ехать и поднимать деревню, вилами махать, косою там, когда можно позвонить кому-нибудь по телефону и... – он внезапно умолк и тут же резко вывернул руль вправо, выругавшись: – Вот идиоты, а! Как можно так ездить, не пойму!

Вскоре машин прибавилось, Степан полностью сосредоточился на дороге. И Юле ничего не оставалось делать, как, привалившись правой щекой к дорожной подушечке, дремать. Так и ехала, то открывает глаза, когда Степан, не выдерживая бездорожья, выругается, то снова их закрывает.

Заросшие сорняком пустоши часа через три сменились плантациями подсолнечника.

– Красиво... – шепнула она, поправляя под щекой подушечку. – Как отражение восходящего солнца.

– Почему? – не понял Степан, занятый дорогой.

– Так на восток все время смотрят...

Потом срезы оврагов запестрели меловыми залежами, еще дальше на пути выросли шахтные отработки, проехали Ростов, Краснодар. Машин становилось все больше и больше. В салоне, невзирая на работающий кондиционер, – все жарче и жарче. А Степан – все пасмурнее и пасмурнее.

– Мне показалось или ты расстроился из-за телефонного звонка? – пролопотала Юля сонно, вытягивая затекшие ноги.

– Какого звонка? – вздрогнул он, задетый ее рукой.

– Тебе кто-то позвонил, ты рассердился и теперь едешь мрачнее тучи.

Юля перегнулась назад, нырнув между сиденьями. Нашарила в корзинке минералку и, придавливая крышкой яростное шипение из горлышка, открыла бутылку.

– Будешь пить?

– Нет, спасибо, – он помотал головой, посмотрел на часы. – Ночевать будем в дороге?

– Как скажешь, – она пожала плечами. – Я-то выпалась, а ты... Тебе же надо отдохнуть. Так кто тебе звонил, Степа?

– Никто не звонил, – неожиданно резко ответил муж. – Тебе приснилось. А вот мне какой-никакой сон просто необходим. Просто отключаюсь. Переспим?

– Давай, – согласилась она, немного на него обидевшись.

Что в самом деле из нее дурочку делает? Она отчетливо слышала: звонок на его мобильный. Было это... Точно не скажет, но далеко уже за Ростовом. Мелодия еще очень странная

звучала, что-то из шансона. Очень громко, к слову, звучала, мертвого бы подняла, а она даже и не спала, а так, дремала.

Так вот, позвонил кто-то. Степан ответил. Долго слушал, не произнося ни слова. Потом буркнул очень резко и очень недовольно:

– Да понял я, не дурак!

И снова замолчал. Она еще подумала тогда, что разговор окончен, и приоткрыла один глаз. Нет, он по-прежнему слушал кого-то, прижимая свою «раскладушку» к уху.

Юля глаз снова прикрыла и минуты через две едва не подпрыгнула, потому что Степа как закричит:

– Через два, я сказал!

Она завозилась. Хотела приоткрыть глаза, но услышала характерный звук, сопровождающий закрытие его телефонного аппарата, и решила не напрягаться. Разговор был окончен. И вот потом уже уснула достаточно крепко. А перед этим...

Она не спала! Она слышала! Степан с кем-то говорил на повышенных тонах. Правильнее – слушал, а потом уже говорил. И слушал гораздо дольше, чем говорил. Чего тут скрывать?! Она же не дура.

– Я и не говорил, что ты дура, милая, – Степан делано рассмеялся. – Я сказал, что никакого телефонного разговора не было, тебе это приснилось. Хочешь, посмотри во входящих звонках, там ничего нет.

Проверять его? Проверять его искренность?! Да как можно! Она же... Она же верит ему, любит его, дорожит им и еще много, много чего, чему еще не успели дать названия, но что иногда душист ее просто до слез умиления. И вот, имея на руках такой разворот козырных чувств к своему мужу, она должна его проверять?

Нет! Это противно.

– Не сердись. – Она поймала ладонью его напряженный затылок и легонько погладила пальцами. – Может, и правда приснилось. Ты прости. Дорога... Так утомительно. Прости?

– Все в порядке, – он передернулся. – От твоих пальцев у меня по спине мурашки.

– Это хорошо или плохо?

– Это отвлекает. – Он покосился на нее со значением. – Так я останавливаюсь у первого мотеля?

– Давай...

Невзирая на ее предвзятое отношение ко всякого рода придорожным ночлежкам и харчевням, как она это привыкла называть, мотель «Добрый сон» оказался весьма и весьма приличным местом. Двухэтажный деревянный сруб с впечатанными в бревна пластиковыми окнами. В каждом номере кондиционеры, крохотный, на двадцать посадочных мест, ресторанчик на первом этаже, окнами во двор. И три огромных пса, вяло несущих свою вахту по всему периметру.

До ступенек мотеля «Добрый сон» Юля шла мелкими шажками, вцепившись в локоть Степана так, что тот болезненно захныкал через минуту.

– Ты мне так кости переломаешь, милая.

– Ну, собаки же, Степ! – прошептала она зловеще, боясь даже коситься в их сторону. – Непривязанные!

– Если не привязаны, значит, не представляют опасности, – начал рассуждать логически ее самый умный на свете муж. – Разве стал бы хозяин мотеля так рисковать постояльцами? Нет, конечно. А если они не опасны, то и бояться их нечего, дорогая. Отпусти мою руку, больно же!

Руки она не выпустила до самых дверей, но хватку ослабила. И вздохнула спокойно, только когда за ними закрылась дверь их номера.

– А тут миленько, – признала Юля, оглядевшись. – Чисто и со вкусом.

Чисто было до стерильности. Плитка в ванной комнате тоненько взвизгнула, когда она с силой провела по ней пальцем, пытаясь отыскать характерную слизь. Полотенца, постельное белье все в упаковках с еще не оторванными ценниками. Она могла бы, конечно, придраться, что, мол, все это надлежит пропустить через утюг. Что негигиенично, но...

Но предпочтительнее было самолично вскрыть фабричную упаковку, чем догадываться, кто еще мог коснуться этого белья руками.

Степан принял душ первым. Она не стала спорить. Человек почти десять часов провел за рулем, устал, значит, заслужил. В общем, она уступила. И подушку под его влажной после душа головой взбила повыше, когда он упал со стоном на кровать.

– Отдыхай, я сейчас, – пообещала она, обцеловывая любимое лицо.

Торопливо намыливалась, торопливо чередовала по привычке воду, так же спешила, высушивая волосы. Вышла из душа, а Степана нет. Растерянно заморгав его влажному отпечатку на свежестеленной кровати, она как идиотка даже к шкафу ринулась. Будто Степан совсем из ума выжил и вдруг решил поиграть с ней в прятки.

Конечно, в шкафу никого не оказалось, две их дорожные сумки не в счет. И под кроватью ее муж не прятался тоже, не нужно было даже нагибаться. Нагнулась, честное слово, мозги от жары распарило!

Нет, ну куда же он мог подеваться с такой-то усталости?! Ведь едва ноги волочил, выбираясь из душевой комнаты, а тут вдруг...

Совершенно неожиданно Юлю охватило незнакомое прежде чувство странного беспокойства. Нельзя было даже сказать, что она начала беспокоиться за Степана. Не иголка, в конце концов, найдется. Может, в ресторан пошел, сделать заказ. Может, воздухом вышел подышать на балкон, опоясывающий здание чугунными низкими перильцами. Ну, нравится человеку дышать знойным спертым воздухом, кто против. Нет, не отсутствие Степана вызвало у Юли смутное беспокойство. Что-то еще... Что-то другое...

Как-то неуютно сделалось мгновенно, до мурашек под лопатками, от этого противного чувства. Будто ветром ледяным повеяло, будто солнце кто спрятал за огромной черной тучей, и дождевые капли будто намочили шею под воротником. Вот как ей сделалось от того, что Степана не оказалось там, где он должен был быть определенно. Ведь в их общей с ним жизни все было так... Так размеренно, так спокойно, мирно, счастливо и безмятежно. И главное – системно! Каждая вещь, каждое действие знали свое место и время.

Утро начиналось с едва слышного звонка кофеварки. Степан всегда программировал ее с вечера, чтобы, не успев открыть как следует глаза, тут же хлебнуть из крохотной глиняной чашечки. Он выпивал сам, потом тащил кофе ей в постель. Если Юля изъявляла желания пробудиться в половине восьмого утра, то кофе не оставался остывать на тумбочке. Потом Степан уезжал на службу. А она, выбравшись из кровати, начинала свой день.

Час уходил на то, чтобы привести себя в порядок и подготовиться к приходу детей. Они приходили. Она вела их к Степану в кабинет, где они занимались за огромным Т-образным столом. В перерыве она поила учеников чаем, соком, кофе, в зависимости их пожеланий. Угощала пирожными, кексами, печеньем. Потом провожала детей и начинала готовиться к ужину, а потом к обеду. Двое ее подопечных учились в школе в первую смену и приходили после обеда. Двое других занимались во вторую смену, а к ней заявлялись с утра.

Все ее приготовления к обеду или ужину заключались в том, что она шла на кухню, усаживалась на стул возле окна и с интересом наблюдала за тем, как хлопочет возле плиты Мария Ивановна. Она не надоедала домработнице вопросами, разговорами, молча грызла морковку либо капустный листик и с упоением смотрела на ловкие руки своей помощницы.

Потом Мария Ивановна, приготовив либо обед, либо ужин, уходила. А Юля начинала сервировать стол либо к обеду, либо к ужину. Их домработница жила в доме по соседству, и такой вот график – пришла-ушла – ее вполне устраивал. Ее работодателей тоже.

Обедала Юля, как правило, в одиночестве, ужинала всегда со Степаном.

Но даже полное одиночество за столом в их огромной кухне-столовой не позволяло ей расслабиться. Она всегда накрывала стол как положено: салфеточки, приборчики, цветочки в вазочке. Она же должна уважать себя? Должна! Вот и...

К ужину возвращался Степан. Они усаживались за стол. Неторопливо ели, разговаривали, время от времени касаясь губами края бокала с хорошим вином. Потом шли в гостиную, смотрели телевизор, снова разговаривали. Потом шли в спальню.

Секс у них был каждый день. Ровный, милый, приятный, без ненужной порывистости и иссушающей страсти. Они забирались под одеяло. Какое-то время Степан молча настраивался на исполнение супружеского долга. Юля в это время тихонько лежала рядом, нежно поглаживая его живот. Потом он к ней разворачивался, несколько раз целовал в губы и грудь, потом взбирался на нее, либо поворачивал ее к себе спиной, либо усаживал сверху, в зависимости от того, как им обоим этого хотелось. Дождался ее, потом поспевал следом и шел в ванную, а следом на кухню программировать кофеварку. Затем возвращался в кровать, дожидался жену после душа, пристраивал ее головку на своем плече, и они мирно засыпали.

И Степана, и Юлю такое положение вещей вполне устраивало. Менять никому ничего не хотелось. Так было день за днем. Так – планомерно, спокойно и мирно – протекала их совместная жизнь. И им в ней было очень уютно.

Мягкой и бархатистой казалась Юле ее жизнь. И она барахталась в ней, куталась в нее, втягивала ноздрями этот тонкий аромат безмятежности и совершенно ничего – уж точно – не собиралась в ней менять. И что самое главное – никогда за совместно прожитые годы у нее не возникало мерзкого чувства высыпавших мурашек под лопатками, и голову в плечи, будто от ледяных брызг, ей вжать не хотелось. А тут...

Очень быстренько Юля оделась, порывшись в своей дорожной сумке. Натянула свежую кофточку на трех пуговичках, шорты, сунула ноги в сандалии. Вытащила из дверного замка ключ и вышла из номера.

Она не собиралась следить за Степаном – боже упаси! Не собиралась идти по его следу, кто мог сказать подобное! Ее просто подгонял беспокойный зуд, утихомирить который могло только присутствие любезного сердцу супруга. Вот она и вышла из номера.

На стоянке возле машин его не было. В ресторане, куда она отправилась следом, тоже. Рыхлая женщина с копной смолых кудрей улыбнулась ей и спросила на ломаном русском, не изволит ли она поужинать.

– Да, да, непременно, только чуть позже. Мужа отыщу. – Юля ответила ей улыбкой. – Он не заходил сюда? Высокий голубоглазый блондин... Очень симпатичный...

Женщина скользнула по ней оценивающим взглядом и тут же с характерной ухмылкой отрицательно мотнула головой. Юля вспыхнула. Сделалось обидно до неприятного.

Ну да, она не красавица. Не супер и не топ-модель, но и не дурнушка. Поэтому нечего на нее смотреть, как на существо недостойное пребывать рядом с высоким, симпатичным, голубоглазым блондином. Они очень даже видная пара и вполне достойны друг друга. А шарма у нее на десятерых хватит. А тело ее, между прочим, Степан называет невозможно соблазнительным, вот!

– Если ваш муж в халате и с телефоном, то он на балконе в шезлонге с северной стороны мотеля, – подсказал вдруг кто-то со спины. – Он уже там минут десять разговаривает с кем-то.

Обернувшись, она обнаружила возле барной стойки совсем юную девушку, чуть уменьшенную в размерах копию той женщины, что оценила с ходу ее так низко. Дочь, наверное, подумала Юля, поблагодарив ее кивком головы. Улыбаться что-то расхотелось. Повернулась и пошла из ресторана к винтовой лестнице, с которой начинался обрuch балкона с низкими литыми перильцами.

Степан нашелся. Да и куда он мог подеваться, господи! Чего это ей в голову и в душу полезло идиотское чувство беспокойства, поплелась его искать? Теперь вот ко всему прочему еще и легкая досада примешалась. Досада на противную тетку, посмевающую взять под сомнение ее – Юлино – очарование. Можно подумать, эта рыхлая женщина решает, кому конкретно надлежит быть рядом с симпатичными голубоглазыми высокими блондинами. Тоже еще – ценительница!..

Муж нашелся именно там, куда ее отослала дочка противной тетки. С северной стороны здания на балконе стояло несколько столиков и шезлонгов. Провисший от безветрия парус навеса радовал глаз ярко-желтой с оранжевым полоской. От него к перильцам была натянута леска, по которой резво вился дикий виноград. Тень, благодатная прохлада, какой-никакой, но свежий воздух. Понятно, с чего Степана потянуло именно сюда.

Он сидел в шезлонге к ней вполоборота, далеко вперед выбросив длинные ноги, и с ленивой грацией преуспевающего в жизни и издерганного этой же самой жизнью бизнесмена потирал переносицу. Есть, есть такая у них манера, не надо спорить. И всегда можно распознать их даже по тому, как они поворачивают голову. Не так она у них поворачивается, поверьте, как у простых смертных, только что выскочивших из заводской проходной. И взгляд не такой. Не так совершенно он у них работает. Загадочно и непроницаемо он у них помаргивает, как прикрытый защитным экраном монитор компьютера. И какая потом оттуда заставка выскочит, что именно преподнесет на рабочий стол их нестандартное деловое мышление, одному черту может быть и известно. Потому как бог тут совершенно ни при чем.

Не с его молчаливого согласия сколачиваются огромные состояния. Не он благословляет на поглощение мелких компаний крупными. Не стал бы он терпеть толпы выброшенных на улицу сотрудников, уволенных по сокращению штатов, и уж тем более никогда бы не примирился с жестким устранением конкурентов.

Не все, конечно, прибегают к таким вот методам, но бывает...

И взгляд, и походка, и манера сидеть за столом либо в шезлонге у них своеобразная. За столом переговоров, к примеру, они деловиты, собраны, сдержанны и настороженны. Как бы не обошли, как бы чего не вышло. А на отдыхе, как вот теперь ее Степан расселся, они сживать изволят совершенно иначе. Тело расслаблено, манеры вальяжные, взгляд рассеянно мерцает. Только вот мало кому известно, что подобное мерцание обманчиво. Оно много чего таит в себе. И такого вот обманчивого мерцания Юля немного опасалась. Оно не беспокоило ее, нет. Оно просто было ускользающим, трудно поддающимся пониманию. И это делало ее любимого мужа Степана немного... немного чужим, наверное. А это не могло Юле нравиться. Она же любила его, уважала, боготворила, невзирая на заповедный запрет.

– Я сказал, два! – услышала она его устало-возмущенный возглас, подкрадываясь незаметно. – Сколько можно об одном и том же, не понимаю! Нет, никак... Да, понятно... нет, не догадывается и даже не знает. Все, конец связи.

Степан свернул разговор, неторопливо опустил руку с телефоном к колену и принялся тихонько постукивать крохотной игрушкой по коленной чашечке. Расслабленность позы немного утратила свою грацию. Степана будто крапивой по спине стегнули, настолько он был напряжен. И Юля решила немного исправить ситуацию, подбравшись к мужу совсем близко.

– Милый, привет, – шепнула она ему в ухо, обнимая со спины за плечи. – Бросил меня, да? У ты какой...

– А-а-а, малыш, – пробормотал он с зевотой.

Но сонливость получилась у него какая-то ненатуральная. Конечно, при такой напряженной спине какой может быть сон? Да и разговор, свидетельницей которого она оказалась, у него, кажется, вышел малоприятным.

– Кто доставал, Степ? Клиенты, партнеры, конкуренты? – спросила Юля просто так абсолютно.

Она никогда не интересовалась делами мужа. Стыдно признаться, но она вообще имела смутное представление о том, чем конкретно занимается ее Степан. Что-то покупал, кажется, перепродавал. Поставлял, добывал, выступал посредником. И назывались как-то странно. Какой-то неблагозвучный буквенный набор: то ли аббревиатура фамилий и имен партнеров, то ли имен их жен и детей. Она не вникала. Не виделось в том нужды, да и Степан всегда считал это лишним.

– Мы же не деловые партнеры, любимая, – любил повторять он за ужином, потягивая вино. – Зачем тебе засорять свою миленькую головку моими проблемами? Вот представь: прихожу я со службы уставший, издерганный. Переступаю порог и... и забываю тут же обо всех проблемах, посмотрев в любимые глаза. А начни я ныть и искать у тебя утешения, что начнется?

– Что?

– Ты начнешь мучиться, страдать, переживать за меня. Станешь пытаться находить пути решения и только будешь мешать мне. Я начну раздражаться. Оно нам надо?

– Нет, – соглашалась она, кивая ему со счастливой улыбкой.

Она всегда и во всем с ним соглашалась. Не соглашаться было просто-напросто невозможно. Степа, он же был мудрецом. Умнейшим из умных. Под каждое свое слово и дело он подводил логическую основу. Под каждое! И никогда практически не ошибался...

– А что? – ответил он вопросом на вопрос, ничего не значащий, между прочим, вопрос. И вдруг напрягся как-то вовсе неестественно. Юле показалось, что у него даже скулы свело от напряжения.

– Так, ничего, – она пожала плечами и поцеловала мужа в гладковыбритую щеку. – Вышла из душа, тебя нет.

– Волновалась? – вдруг перебил ее Степан и чуть полуобернулся, посмотрев как-то уж слишком оценивающе.

– Я? Да нет... Не особо... – ответила Юля честно, она же никогда не лгала своему мужу. – Прошлась по мотелю, заглянула в ресторан, думала, ты там. Меня направили сюда, и только...

– И только, – задумчиво повторил он, вздыхая. – И только... А скажи-ка мне, Юлия?..

Он осторожно снял со своих плеч ее руки. Отодвинулся и, обернувшись на жену, посмотрел совершенно уж незнакомо.

– А скажи-ка мне, милая, если у меня случится вдруг очень длительная и очень серьезная командировка, ты станешь по мне скучать?

Вот откуда его напряженность! Вот откуда новизна взглядов и вопросов!

Дела бизнеса посылают его куда-то очень далеко и очень надолго. И он мучается оттого, что ему придется оставить ее одну. И не знает, как ее к этому подготовить. Как сказать, не знает. Милый, милый Степка! Как же она его любит!

– Я буду скучать, реветь в подушку и ждать тебя, ждать, ждать! – проговорила она срывающимся на трагический шепот голосом.

– Долго будешь ждать?

Любимые голубые глаза перестали, наконец, неоновно-непроницаемо мерцать и зажглись тем самым светом, от которого сердце ее стучало сильнее, громче и чаще.

– Я буду ждать тебя ровно столько, сколько будет нужно. Сколько скажешь, столько и стану ждать, милый.

– Я не ошибся в выборе жены, черт возьми!

Степан, откинув голову, счастливо рассмеялся. Тут же встал с шезлонга, поправил халат и привлек Юлю к себе. Прижал к груди, взъерошил ее волосы, зацеловал щеки и шею.

– Я люблю тебя, Юлька! Очень сильно люблю! Помни это, что бы ни случилось! Помни всегда, – чередовал он свои поцелуи бессмысленным бормотанием. – Ты самая лучшая, самая надежная, самая любимая...

Он никогда не говорил ей, что она самая красивая, неожиданно поймала свою ускользающую мысль Юля и вздохнула. Мог твердить по сотне раз, что обаятельная, сексуальная, соблазнительная и всякое такое, но ни разу не назвал красивой. А ведь ее внешности могли многие позавидовать, если присмотреться.

Высокая, белокожая, с шикарными волосами цвета меда, который переливался всеми оттенками – от цветочного до гречишного. Лицо ее тоже заставляло останавливаться взгляды мужчин. Высокие скулы, полный яркий рот, зеленые глаза, разрез которых придавал ее внешности что-то азиатское.

Да, она не была роковой брюнеткой. И от милой прелести блондинок в ней не было ничего. Но она была красива своей собственной, неприобретенной красотой и немного этим была горда.

С чего тогда Степка ни разу не назвал ее красивой? И эта противная тетка из ресторана сочла ее блеклой и недостойной такого красавца, как ее блондинистый супруг. Надо же, никогда вот не задумывалась, кутаясь в свою счастливую семейную жизнь, как в шикарное меховое манто, а тут вдруг...

– А пойдем ужинать, малыш, а? Что на это скажешь? Мясом жареным пахнет, что-то аппетит разыгрался. Что скажешь? – Степка отстранился, любовно оглядев ее ладную фигуру. – Хороша ты у меня! Просто дух захватывает, как хороша! Так что насчет ужина, заказывать?

– Да, – ответила она коротко.

Если у мужа разыгрался аппетит, разве станет она морить его голодом из-за глупых своих соображений. Нет, конечно. Она послушно сядет напротив, будет ковыряться в пережаренном пашлыке, улыбаться тому, с какой жадностью ест Степка. И совсем не станет обращать внимания на то, как оценивающе сравнивают их черногривые мать и дочь. Как шепчутся у них за спиной и бормочут наверняка, что такой красавчик мог бы найти себе дамочку и поинтереснее. Она не будет обращать на это внимания. Не обращала же раньше, слыша свистящий шепот за своей спиной на обязательных ежегодных мероприятиях, куда Степана приглашали вместе с женой. Не обращала, порой понуро простаивая возле колонн в одиночестве, когда Степана увлекал в сторону очередной партнер по бизнесу, а то и просто нужный человек. Простаивала с постным видом и однажды нарвалась-таки на откровение, высказанное очень громко и неприкрыто, напрямую, в лоб:

– Что это такая златовласка скушает в одиночестве, а? Почему с таким кислым видом? Вам не идет!

Юля тогда растерялась. Голос шел из-за колонны. Был глумливым и не совсем трезвым. Первым порывом было уйти. Потом настырно осталась на месте, дожидаясь развития событий. События вынырнули из-за колоны в образе изрядно подвыпившего мужчины «под полтинник», склонились к ее руке с поцелуем и представились, с гусарской лихостью щелкнув каблуками:

– Арбенин Игорь Адамович! Никакого благородного отношения к сей благородной фамилии не имею, но отпечаток наложен, и потому я так тут перед вами выеживаюсь. А вы?

– Юлия, – быстро проговорила она, беспомощно оглядываясь по сторонам в поисках супруга.

– Вы супруга Степана Миронкина, так ведь? – Арбенин прищурился, заметив метание ее взгляда. – Да не ищите, его увлекли акулы бизнеса в соседний зал. Освободится, дай бог минут через двадцать. Так вы и в самом деле его супруга?

– Да. – Юля кивнула, испытывая отвратительное чувство собственной наготы под его прищуренным пьяным взглядом.

– Интересно, интересно... Я много наслышан был о вас, но увиденное прямо противоположно общепризнанному мнению, знаете ли.

Арбенин хоть и не был благороден по происхождению, но вот психологом был неплохим. Знал, мерзавец, как заинтриговать, как завладеть вниманием женщины, минуту назад готовой бежать от него куда глаза глядят. Выговорив двусмысленную тираду про «общепризнанное мнение», он замолчал, продолжая ее рассматривать.

Она, конечно же, не выдержала и спросила:

– И каково же «общепризнанное мнение» на мой счет, Игорь Адамович?

– Мне кто-то сказал, не помню кто, что вы... уж простите мою откровенность, что вы дурнушка. А на самом деле! Сражен! Честно говорю, сражен! Вы просто... Вы просто восхитительны! – И он снова полез целовать ее руку, склонившись так, что того и гляди упадет.

Конечно, слова восхищения изрядно подвыпившего мужчины она в тот момент не восприняла. Больно кольнуло другое. Больно кольнуло «общепризнанное мнение»! Ох, как она взвилась, тут же начав критически осматривать других дам, так же, как и она, томившихся либо возле колонн, либо возле барной стойки. Правда, они кучковались, в одиночестве не прозябали, как она, но...

Короче, расхожий шаблон потрясающей красавицы Юля в тот вечер не приклеила никому. Не было там таких, вот!

– Вы правы, – снова пристал к ней Арбенин, безошибочно угадав, с какой целью Юля рыщет глазами по залу. – Здесь нет достойных! Вы лучшая – Юлия Миронкина. Просто эти тетки, они... они умеют себя преподать, понимаете?

– Не совсем. – Она ведь снова не хотела, да прислушалась к тому, что несет его пьяный заплетающийся язык.

– Они умеют, как это... Заставить... Короче, вам не хватает огня, Юлия Миронкина. Либо его потушил ваш великолепный супруг, либо...

– Либо что?

Она наконец-то вздохнула с облегчением, увидев Степана, спешившего к ней со счастливой улыбкой. Он всегда так улыбался ей. Всегда, какой бы дурнушкой она ни казалась другим.

– Либо он не сумел в вас его зажечь! – закончил Арбенин, тоже заметив Степана. И вдруг снова встрепенулся и, прежде чем уйти, добавил: – Когда он в вас пробудится, Юлия Миронкина, все вокруг будут ослеплены. А ваш муж, он просто хитрец. Он знает, каким сокровищем обладает и приглушает его, и не позволяет ему сверкать. Жадина!..

Может, так оно все и было, потому что Степан в тот вечер надувал губы и даже пытался ее ревновать к Арбенину. На что Юля очень весело и долго смеялась, а ночью с такой жадностью принялась доказывать свою любовь, что Степан просто выдохся и ни о какой ревности больше не вспоминал...

– Так идем ужинать или нет?

– Идем, конечно. Ты что же, в халате пойдешь? Переодеваться не станешь? – Она удивленно захлопала ресницами.

– Переоденусь, конечно. Мяса хочу, малыш. – Степан беззаботно рассмеялся. – Много мяса, хорошо прожаренного, с соусом непременно. Сначала мяса, а потом тебя...

Глава 2

– Невзоров, ты домой или куда?

Ребята из его отдела стояли втроем на другой стороне парковочной площадки и призывно улыбались ему, не забывая живописно жестикулировать. Один щелкал себя тыльной стороной ладони по кадыку. Второй выкручивал подбородок в направлении их любимого кафе через дорогу. А третий и вовсе изображал что-то непотребное обеими руками, будто на лыжах ехал сейчас по расплавившемуся под солнцем тротуару.

– Я? Я домой, мужики, – с угрюмой миной ответил Невзоров и полез в карман штанов за ключами от машины.

– Так ты-ы! – заныл один из них. – Пятница же сегодня! Сам бог велел после такой-то недельки!

– Во-во, – тут же подхватил второй. – Именно пятница. И мало того, ты нам просто обязан выставиться.

– За что? – не понял Невзоров, распахивая все двери своей раскалившейся под солнцем «девятки».

Пока раскрывал двери, все брюзжал про себя. И чего это начальству приспичило устраивать парковку именно в этом месте?! Тут же круглый год солнце, даже в ненастье, мать их, тут солнце палит! Нет бы с северной стороны здания их отделения. Там вечный полумрак, даже мох под уличными подоконниками завелся. Сколько ни вычищали, тот настырно пер наружу. Там бы взяли и устроили стоянку. Нет же. Не положено. СИЗО рядом. А ну как кто-то из заключенных сбежит, что тогда? Он же непременно прыгнет в первую подвернувшуюся тачку и укатит.

Смешно! Смешно и наивно было так думать, решил тогда Невзоров, но промолчал, как и все остальные.

Во-первых, все свои автомобили сотрудники отделения милиции запирали. Ключи никто не оставлял.

Во-вторых, если кому суждено удрать, а потом уехать, то какая разница, откуда он машину возьмет: с северной ли стороны здания, с южной? Если сбежавший профи, местоположение автомобиля ему не препон...

– Как за что?! – вытаращились ребята из его отдела, кажется, с обидой. – Ты же у нас теперь звезда телевидения, Невзоров! У тебя был дебют? Был! Проставиться должен? Должен! А он домой собрался, понимаешь! Кто тебя там ждет, дома, Олег?

Дома его никто не ждал уже как два месяца, тут ребята были правы на все сто. Но вот про телевизионный дебют им напоминать не следовало. Тут же челюсть свело от желания плюнуть в их сторону. Сдержался. Обижать никого не хотелось. Да и парковка прямо под окнами начальства. А ну как к окну изволит подойти руководство да узрит, как майор плевками чистый асфальт покрывает, что тогда будет? Гундеж тогда будет, который тут же перейдет на упреки за плохую раскрываемость, затем вспомнится рост преступности по району и так далее и тому подобное.

Нет, он уж лучше тихонько загрузится в раскаленную машину. Отъедет подальше от отделения, раскроет окно и тогда уже плюнет с досадой.

– Слышь, Олег. – Один из ребят подошел к нему поближе и присмотрелся. – Ты чего такой? Случилось что?

– Да нет... – Он пожал плечами и тут же поморщился, уловив запах пота от своей рубашки, надо же, ни один дезодорант такой жары и такой скотской работы не выдерживает. – Все вроде в норме, если не считать того, что меня с этой чертовой передачей выставили на

посмешище. Что от меня ушла жена пару месяцев назад. И что она не позволяет мне видиться с дочкой. Нет, все вроде в порядке. Как в той песне: «А в остальном, прекрасная маркиза...»

– Да ладно тебе, не парься. Можно подумать, тебя этим можно сразить! – не поверил друг по команде. – Надька твоя тебя только осчастливила своим уходом. С дочкой, конечно, перебор с ее стороны, но что ушла – молодец. Ведь сколько крови она у тебя, Олег, высосала! Ты только вспомни!..

Невзоров нехотя кивнул.

Спорить было невозможно, да он бы и не стал. Надька была стервой первостатейной. Мало того, еще была жадиной и врушкой.

– Не ври мне никогда! – частенько орал он на нее, припирая голыми фактами к стенке. – Я же вижу твою ложь насквозь!

– О, ты у нас мент, как же! – фыркала жена ему в лицо, нисколько не смущаясь того, что попалась. – Ты же профессионал! Обмануть тебя только дохлый сможет...

Дохлый не дохлый, но вранье Надежды было очень гадким и откровенным. Она будто бы нарочно травила его своей ложью. Будто бы тренинг своеобразный для него устраивала: угадаешь – молодец, не угадаешь – дубина. Он всегда угадывал. Почти всегда. Злился, орал на нее, даже однажды ударил по щеке. Не больно ударил и не ударил даже, а мазнул кончиками пальцев, но что тут началось!

И к начальству его идти собиралась. И жалобу писать прокурору. И психушкой грозила. Мол, свихнулся он на своей работе, если на жену при ребенке драться кидается.

Что его жена перед этим пару ночей не ночевала дома и вместо внятного объяснения несла полчаса глупейший вздор, о том Надежда и не вспоминала вовсе. Факт свершившегося над ней возмездия приняла, как незаслуженное физическое оскорбление, и грозила ему, грозила.

А Невзоров не боялся. Плевать ему было на ее угрозы.

Жалобы ее никто бы рассматривать всерьез не стал. Нет, для вида могли, конечно же, заявление ее принять, но на этом бы все и закончилось. Никто не то что наказывать, журить бы его не стал. Все про эту суку знали, ему только не рассказывали ничего. Не рассказывали до тех пор, пока она не ушла от него. А как ушла, он такого понаслушался!

– А чего раньше молчали, гады?! – орал он возмущенно, когда они с ребятами в гараже у Коляна Семенова водку пили под такой сволочной разговор. – Чего не сказал мне никто?! Я бы...

– Чего ты бы?! Ну чего?! – защищались ребята. – Ушел бы от нее? Нет, конечно! И разводиться бы не стал, потому что тебе все некогда. Ничего бы ты не сделал, страдал бы только да жалел себя. А еще дочку...

И опять они были правы. Не стал бы Невзоров ходить по инстанциям, писать искивые заявления, просиживать часами в ожидании своей очереди у адвокатов и в залах суда. Не стал бы. Не из-за лени, нет, а из-за элементарного дефицита временного и непереносимости подобных мероприятий. Ему этой казенщины и кабинетов стандартных и на работе хватает за глаза. Будет он еще в свободное от трудовых подвигов время штаны протирать на скамейках, рассматривая очередь и гадая, кто здесь еще по такой же беде, что и он.

И вот когда Надежда объявила ему, что уходит, Невзоров втайне обрадовался. Очень обрадовался, даже, не сдержавшись, выдохнул с облегчением. Неужели? Ну, наконец-то! Наконец-то он сможет наслаждаться тишиной и долгожданным покоем, возвращаясь домой со службы. Никто не будет хлопать в его доме дверями – ох, как Невзоров ненавидел стук захлопывающихся дверей, особенно если эти двери захлопывались у него перед носом. Никто не станет греметь кастрюлями на кухне, без конца открывая и закрывая шкафы и двигая без лишней нужды ящиками. Никто не помешает ему пить пиво и дремать перед телевизором. Никто не взвизгнет, если он по неосторожности стряхнет пепел в цветочный горшок. И никто не потащит

его в гости к маме, когда он возвращается домой с происшествия с воспалившимися глазами и надорванным нутром. Потому что там, на этом происшествии, он видел обезображенный труп молодой и некогда красивой женщины, либо убитого ребенка, либо бизнесмена. И вернувшись домой, ему бы так хотелось залечь на час в ванну для начала, а потом приткнуться к чьему-нибудь плечу и если не выговориться, то хотя бы помолчать. Помолчать, будучи уверенным, что твое молчание поймут.

Он обрадовался. А потом загоревал, наткнувшись на зареванные дочкины глаза.

Вот кого было жалко терять! Вот за кого сердце разрывалось вдрызг! Вот кто ждал его всегда – и уставшего, и веселого, и в подпитии, и голодного, и злого. Вот кто был единственным родным человечком, расставания с которым Невзорову было не пережить.

Надька-сука уловила это и все силы бросила на то, чтобы сделать ему больнее.

И встречаться не разрешала, и в заранее оговоренные для встреч часы отвозила дочку куда-нибудь. А потом недоуменно хлопала ресницами и кудахтала, что забыла про договоренность и что дочке захотелось вдруг в цирк или в зоопарк с бабушкой. Врала, конечно, как кобыла сивая. Станет его дочь в тринадцать лет почти по зоопаркам с бабушкой ходить, как же! Но не идти же на бывшую врукопашную, тем более что из-за ее плеча в тот момент лисья морда ее нового сожителя выглядывала.

Ох, жизнь!..

– Не, мужики, давайте без меня сегодня, – угрюмо обронил Невзоров, полез в машину, захлопнул дверь, опустил стекло и попросил: – Ты, Колян, извинись перед ребятами. Не могу я сегодня. Честно, не могу.

– Прощу только в том случае, если у тебя свидание. – Семенов осклабился в улыбке и кивнул в сторону ребят из отдела. – Я ведь им так и скажу, учти. Скажу, Олег к телке подался. Говорю?

– Говори, – обронил со вздохом Олег.

Он сейчас был согласен на все, лишь бы они от него отвязались. Пусть думают, что у него свидание. Что он влюбился. Что собрался жениться и нарожать кучу детей. Пусть что хотят думают. А ему лишь бы до дома побыстрее добраться. Влезть в душ, потом в домашние сатиновые штаны, тапки. Зажарить пару яиц с колбасой. Поужинать, запивая пивом, а потом выйти на балкон и покурить в летней прохладе, ни о чем не думая, а лишь слушая беззаботный легкий гул в поплывших от пива мозгах.

Пускай примитивная, но такая вот у него на сегодняшний вечер сложилась мечта. Хоть на нее-то он имеет право? Он же ничего больше у судьбы не просит и просить не станет, лишь бы на какое-то время, пускай хоть на пятничный вечер, его все оставили в покое...

Позволить своим загруженным мозгам немного отдохнуть и пьяно ни о чем таком не думать у Невзорова не получилось. С первой частью запланированных мероприятий он, конечно, справился, бога гневить нечего. Вернулся домой, влез под душ и наслаждался там с громким фырканием прохладной водой минут двадцать, если не больше. Потом и омлет с колбасой получился на славу. И пиво охладилось именно до нужной температуры. Поужинал, выпил, чуть охмелел. Вышел на балкон с сигаретой. Закурил, с наслаждением затягиваясь, глянул вниз и... началось.

Чего это люди, прожив добрую дюжину лет, продолжают так бережно и трепетно друг к другу относиться, а?

Это была первая мысль, досадившая ему на трех первых затяжках.

Вот, к примеру, из соседнего подъезда супружеская пара, он точно знал, что живут они лет пятнадцать, может, чуть меньше. Когда бы муж ни вернулся с работы, жена ждала его возле подъезда и бегом почти мчалась ему навстречу. И за шею обнимала, и в щеку целовала. Мужа, видимо, не раздражало вовсе. Он и целовать себя позволял, и обнимать. Подхватывал жену под руку и, что-то оживленно рассказывая, увлекал ее к подъезду.

Может, ссоры и сцены и у них случались, как без этого, но ведь преодолевали они все неурядицы. Оставались выше, что ли. Не грязли в дрызгах, если уж скаламбурить.

А что у него, Невзорова, с Надькой?

Она же врала все время. Врала, жила деньги, сэкономила на жратве и мороженом для дочери. О каком поцелуе в щеку после работы могла идти речь?! О каком разговоре по душам, если у нее души и вовсе не наблюдалось!

Потом привлекла внимание другая пара. Девочка лет десяти с дедом. Они частенько вместе прогуливались. Дед жил в их доме, один. Внучку привозили родители. Привезут, положенное по семейному протоколу время у деда отбудут и уезжают, оставив дитя. При этом всем было ведь хорошо. И родителям, что на выходные обретали свободу. И девочке, которая в деде души не чаяла. И деду, который был счастлив избавиться от одиночества.

А что у него с Надькой?

Все время ездили только к ее маме. У его отца, который доживал век в деревне километрах в сорока от города, делать было нечего. Стирать кальсоны и вывозить старческий мусор из углов, как она любила повторять, ей не хотелось.

Невзоров всегда пытался возразить жене. У отца не было никакого мусора в углах. Тот регулярно сам делал уборку. И свои портки с рубашками тоже стирал. И к редким визитам сына с семьей готовился: готовил наваристые щи, картошку, доставал из погреба рыжики и капусту с брусничкой. До пирогов не был мастером, но ведь и не досаждал никому тем, чтобы помощи просить. Лишь бы увидеться с ними и внучкой и все. Нет же! Надька вопила, ехать не желала, дочку на лето не отпускала...

Вторая мысль, больно кольнувшая Невзорова в тот момент, когда по двору прошел мужчина с тортом, была о том, что через день у дочери день рождения, а его даже не пригласили. Он позвонил пару дней назад и полчаса униженно напрашивался в гости, но Надька была непреклонной. Дочке надо привыкать к новой семье, к новому главе этой семьи, а настоящему отцу – то есть ему – делать за праздничным столом нечего. С психикой ребенка могло быть не все в порядке при таком положении вещей, считала Надька. Сука!

Ну и третьей мыслью, отравившей ему вечер пятницы, явилось странное и неожиданное открытие. Жизнь-то, оказывается, не так длинна, чтобы так вот бездумно ею разбрасываться: безмятежно прокуривать минуты, ни о ком не думать и наслаждаться одиночеством.

Это ведь неправильно! Невзорову даже холодно стало, невзирая на жаркий, душный вечер, от подобного открытия.

Одиночеством нельзя наслаждаться, вдруг подумал он. Его нужно гнать от себя. В него нельзя погружаться, как бы оно ни затягивало. Оно ведь засосет, поглотит и ничего после себя не оставит. Никакого следа или памяти...

Почему вот не пошел сегодня с ребятами в кафе, идиот? Сели бы за любимым столом в углу под аркой. Заказали бы по двести граммов водки, закуски, чего-нибудь горячего. Там голубцы подавали со сметаной – обедение просто. Выпили бы, поели бы, поговорили бы. Посмеялись, как без этого. Пацаны – они народ проверенный, они люди с пониманием, всегда знали, когда можно по больному беззлобной шуткой пройти, а когда нет. Почему не пошел?

А потому не пошел, сказал сам себе Невзоров, нервно растирая в пальцах сигарету, что им-то после вечеринки есть к кому возвращаться, а ему – нет! Тошно от глупой навязчивой зависти сделалось, вот и не пошел.

Колян Семенов уже год с девушкой встречался. Очень хорошая девушка. Валя любила его и принимала таким, как он есть. Без шикарной тачки и зарплаты, с заросшей, не выспавшейся после ночного дежурства физиономией, со зверским с похмелья аппетитом. Любила и прощала все, секрет-то прост.

У другого – Вальки Смирницкого – были жена и пара пацанов. Тут вообще все было как в учебнике про правильную семейную жизнь: тихо, мирно, с пониманием. Ни сцен, ни упреков, ни вранья и жлобства.

Саша Коновалов два года жил в гражданском браке со стюардессой. Любили друг друга на взлете, что называется. То есть редко виделись, ругаться было некогда, предавались страсти и только.

Только он, Невзоров, был теперь один. Да когда и один не был, все равно помериться с ними своим счастьем не мог. Проиграл бы по всем показателям.

Потому и не пошел с ребятами в кафе. Они, пока сидели и выпивали, раз по десять своим женщинам могли позвонить и столько же от них звонков принять. Никто не нервничал по этому поводу, а только улыбался добродушно. А когда посиделки заканчивались, все тут же по домам устремлялись, зная, что их там точно ждут.

Его ни теперь, ни раньше никто не ждал. Никто, кроме дочери. Но это все равно не то. Нет, он рад бывал, конечно, когда она из своей комнаты выпрыгивала чертенком и на его шее повисала. Но женского тепла ему все равно очень не хватало. Хотелось этого всегда, теперь вот особенно.

Невзоров скомкал сигарету, так и не прикурив. Протянул руку к веревкам, натянутым над головой, потрепал пододеяльник. Тот, судя по всему, высох еще позавчера. В тот же день, когда он его повесил. Теперь уже не разгладить. Отпариватель в уютге перестал работать еще в прошлом году. Новый уютг Надька забрала, таким вот справедливым образом разделив нажитое ими имущество. Придется при глажке набирать в рот воды и брызгать на пододеяльник, чтобы хоть немного в божеский вид привести, не спать же на хрустящих складках.

Господи, о чем он думает? Офигеть можно! Как пододеяльник гладить, про какой-то дурацкий отпариватель. Разве ему – тридцатипятилетнему мужику, не старому еще вовсе, здоровому физически, устойчивому морально – о том думать надлежало? Нет бы про женщин помечтать, про их пылкие чувства и сочные тела, а он про стирку, глажку, уютги какие-то. Совсем испортился. Закодировала его Надька ото всех баб года на два, ржали в прошлую пятницу ребята под «Парламентскую». Чтобы его от этой кодировки избавить, нужно будет... Кто ведь что тогда предлагал, ухохатываясь до судорог.

Он тоже смеялся, хотя весело ему совсем не было. Смеялся скорее за компанию, для рядки обстановки, хотя некоторые из предложенных вариантов снятия с него заклятия откровенно коробили.

Ладно, он заведомо прощал ребят из своего отдела. Они не со зла, а по дружбе. Они ж не виноваты, что ему так с Надькой не повезло. Может, у него еще все и наладится. Может, и встретит он такую женщину, как Колькина девушка, как жена Вальки Смирницкого и как стюардесса Саша Коновалова. Может, все еще у него и получится в личной неустроенной жизни. Он подождет, торопиться не станет в выборе, лишь бы повезло. А пока...

А пока можно и пододеяльник погладить. Не ложиться же спиной на такие рубцы, оставленные при выжимании его сильными руками.

Глава 3

Юля лежала на левом боку и сквозь полуприкрытые ресницы наблюдала за лопастью вентилятора, что горбатился в углу. Пожелтевшим от возраста лопасть было совсем худо. Они еле-еле ворочались, не справляясь с душным воздухом побережья. Воздух был не просто густым, он был плотным, слежавшимся, пропитанным зноем, йодом и стрекотанием цикад. Юле казалось порой, что она ощущает на своем теле его многослойную тяжесть, чувствует, как он забивает ее поры, и от этого ей совершенно невозможно было дышать.

К этой духоте еще примешивалось недовольство мужем. Оно было очень робким, это ее тайное недовольство, очень тихим и скромным, невидимым постороннему глазу. Степану она даже не намекала, что ей не нравится, к примеру, то место, куда он ее привез.

Крохотный поселок на берегу Черного моря?! Разве о таком отдыхе она мечтала?!

Узкие пыльные улочки, четыре продовольственных магазина на весь поселок. Два второсортных кафе и один ресторан.

Она и подумать не могла, что жить придется в частном секторе со сломавшимся прямо перед их приездом кондиционером, побеленными кое-как потолками и дощатым полом со щелями в палец.

– Милая, здесь невозможно найти ничего лучше, – скороговоркой объяснил Степан, заметив ее недоумение. – Нам же море нужно было, не так ли?

– Так, – осторожно согласилась Юля.

– Вот! – обрадовался ее покорному согласию муж. – А моря здесь от края и до края. И пляжи пустынные. Ты же так хотела отдохнуть от суеты, вот и отдыхай!

Юля очень хотела возразить ему и напомнить, что отдыхать она собиралась совсем не так. Конечно, толпа людей на морском берегу удовольствия и радости вызвать не могла, но...

Но это было все же предпочтительнее, чем купание в сомнительных местах. Эти места даже пляжем назвать было затруднительно. Просто берег. Берег, усыпанный мусором, корягами, проржавевшим железом. Юля подолгу всякий раз блуждала, чтобы отыскать подходящее место для своего матраса. Нет, толпы людей, жарившихся на солнце, были бы все же предпочтительнее.

Но она снова деликатно промолчала. И когда вечером стирала в тазике свою и его футболки, забыв на время, что такое стиральная машина-автомат, тоже не роптала. И утром, готовя завтрак на летней кухне, старалась находить в этом особенную прелесть.

Ведь это же ничего, что солнце с восьми утра палит в затылок, так? Ничего.

И ничего, что у газовой плиты выстроилась очередь из пяти человек, а рабочих конфорок всего три, так ведь? Так.

Подгорела яичница на старой прокопченной сковородке? Да бог с ней. Степан съел молча и, кажется, ничего даже не заметил. И салат, заправленный прокисшей сметаной из местного супермаркета, тоже ему вроде понравился.

Обедать и ужинать вчера они решили в единственном на весь поселок ресторане. Но лучше бы этого не делали. Юлю потом всю ночь выедала изжога от мяса по-крестьянски.

Отдых не удался, одним словом. Но Степану она об этом ни-ни. Не могла она его расстраивать своими претензиями. Он же старался устроить для нее отдых. Выкрал время у бизнеса, а она станет ныть? И если честно, то...

...То поймать Степана для разговора оказалось не так уж просто. Он либо висел на телефоне, либо вызывался сбегать на рынок, оставляя ее одну в снятой на десять дней комнате. Либо бежал в магазин, либо...

Он все время был при делах, но не при ней. Вот и сегодня отправлял ее на пляж с соседкой по коридору, водрузив себе на колени ноутбук, а на переносицу очки в тонкой оправе.

– Немного поработаю, малыш, уж прости! Позвонили из офиса, срочно нужны кое-какие выкладки. Сходи с Тамарой. Мне кажется, что у вас сложились неплохие отношения.

Тамара была интересной женщиной средних лет, словоохотливой, с чудесным чувством юмора и оплывшей фигурой. Она полезла со знакомством к Юле уже через десять минут после того, как они со Степаном заселились в свою комнату. И с тех пор уже не оставляла Юлю ни на минуту. Считая себя старожилом здешних мест – она ведь отдыхала здесь третий год подряд, – Тамара таскала Юлю по заповедным местам побережья.

– Отношения-то сложились, Степ, но мне хотелось бы побыть немного и с тобой. Третий день на отдыхе, а я тебя практически не вижу.

– Вот он я, смотри! – Он очаровательно улыбнулся, сдвинув очки на кончик носа. – Милая, а ведь могло быть все и намного хуже.

– Как?

Спросила просто, чтобы продлить время своего убытия. На самом деле она считала, что хуже уже быть не может. Худшего места, худших условий представить ей было сложно.

– Ты поехала бы одна, – дернул он плечами, опуская глаза в монитор. – Засыпала бы каждую ночь одна. Завтракала, обедала и ужинала тоже одна. А так... А так я чудом вырвался. Так что ты уж, малыш, не капризничай. Иди, иди, мне нужно поработать.

Засыпать и просыпаться одной Юле не хотелось. И тем более не хотелось каждое утро одной усаживаться за расшатанный, накрытый выцветшей клеенкой стол в летней кухне. Со стороны мужа и в самом деле этот не запланированный загодя отдых был жертвой, а она ропщет. Пусть негромко, пусть все больше про себя, но ропщет же. Нельзя так! Надо быть благодарной.

И она покорно поплелась за Тамарой, решившей сегодня во что бы то ни стало посетить самую дальнюю песчаную косу заброшенного десятилетия назад санатория.

– Может, такси возьмем? – робко предложила Юля, с замиранием сердца представляя полуторакилометровый вояж с полной выкладкой: полотенца, матрас, бутылочка с водой и яблоки. – Далековато будет.

– Эй вы, молодежь! – Тамара хохотнула, шлепнув себя по жирным бокам. – Не хочешь такой вот быть к сорока годам? Нет? По глазам вижу, что нет! Тогда идем. В движении, милая, вся жизнь!

Этот поход Юля запомнила надолго.

На всю жизнь он ей запомнился, если уточнить, потому что именно после этого дня счастье ее вдруг оказалось перечеркнутым. Перечеркнутым, разбитым, расслоившимся. Ну, какие еще можно придумать эпитеты к тому, что случилось? Пожалуй, что и этого хватит за глаза.

А она-то, она!

Топала по узкой тропинкой за толстой Тамарой. С раздражением слушала ее шумное дыхание. С тоской осматривала заросли южного кустарника, тянувшиеся вдоль побережья. Смахивала со лба пот и ошибочно полагала, что это и есть ее самая главная неприятность, случившаяся на отдыхе.

Оказалось, что нет. Но пока она об этом не знала и даже не догадывалась. Пока она шла и думала только об одном: как это ее угораздило поддаться уговорам и пуститься в такое дальнейшее путешествие с тяжелой ношей на плече? Зачем она пошла на этот забытый богом и людьми пляж, если прямо возле дома, где они с мужем снимали комнату, имелась вполне приличная площадка для купания? К тому же они ее с Тамарой успели расчистить и облагородить горшками с цветами, любезно предложенными хозяйкой дома...

– Ну! Вот мы и пришли! – радостно оповестила Тамара, пыхтевшая последние десять минут пути сверх всякой меры. – Оцени, Юль! Скажи, великолепно?!

Юля выглянула из-за ее плеча, сделала пару шагов вперед по тропинке и тут же замерла с открытым ртом, не сумев справиться с изумлением.

А оно ведь того стоило, да! Стоило слушать пыхтение Тамары, потеть и надрываться, чтобы увидеть такое великолепиие.

Крохотная песчаная бухта, некогда принадлежавшая санаторию, казалась совершенно необитаемой. Нигде ни единого следа присутствия человека. Пятачок сто на двадцать метров окружал давно одичавший, но все еще буйно цветущий розарий. Даже лежаки остались в нетронутом состоянии. Никто не растащил их на дрова. Юля тут же пожалела, что пришлось тащить так далеко надувной матрас, на котором обычно загорала.

– Ну, что скажешь?! – Тамара обернулась на нее с сияющими от удовольствия глазами. – Скажи, здорово тут?

– Здорово! – кивнула Юля, тут же швырнула на один из лежаков свою сумку, оттянувшую плечо, и начала снимать с себя шорты. – Ни единой души вокруг! И чисто как! А что, про это место мало кто знает?

– Мало. – Тамара с треском потянула «молнию» на широченном сарафане. – Мало кто знает. Мало кому охота тащиться пешком в такую даль по жаре, таксисты ведь дерут нещадно. А мы с тобой молодцы! Мы с тобой не испугались. Давай теперь получать удовольствие.

Удовольствие и впрямь получилось. Юля даже на какое-то время забыла и про комнату с дощатым полом и убогим вентилятором, и про то, что сегодня вечером снова предстоит стирать белье в тазике, а ужинать, скорее всего, макаронами. Идти в местный ресторан она наотрез отказалась. Про все забыла. Купалась, загорала до сизых кругов в глазах, меняя поочередно лежаки. Ну, просто как та девочка из сказки, что прыгала из кровати в кровать, подыскивая подходящую. Грызла яблоки, уплетала тонкие пластинки сыра, запивая их красным домашним вином, предусмотрительно захваченным Тамарой. Болтали, над чем-то заразительно смеялись. Потом решили нарвать по букету роз, выбирая в зарослях только слегка раскрывшиеся бутоны.

День пролетел незаметно и оказался не таким уж плохим. Она ведь обо всем плохом забыла. И даже про то, что Степана нет рядом. О нем неожиданно напомнила Тамара. Напомнила, когда они уже шли обратно.

– Слушай, Юль, а кто такая Викуся? – спросила Тамара, приваливаясь спиной к огромному стволу дерева, и тут же принялась обмахиваться большим полотенцем, на котором загорала.

– Викуся?! – Юля тоже встала к стволу поближе, чтобы быть в тени не очень шикарной кроны. – Викуся... Гм-м, не знаю я никакой Викуси.

– И сестры, и племянницы, и подружки нет с таким именем? – продолжила допрос Тамара.

– У меня?!

– Ну, может, у тебя, может, у мужа твоего.

– Да нет же, говорю. Нет у нас с ним на двоих никаких Викусь.

Настроение, с таким трудом обретенное в крохотной бухте, обрамленной запущенными розовыми кустами, начало медленно таять. Сдулось, как воздушный шарик, сделавшись некрасивым и сморщенным. Тут же сделалось душно, жарко, начала донимать мошкара, сумка тянуть плечо. Захотелось побыстрее в дом, где остался Степан с распахнутым ноутбуком на коленках. А Тамара будто и не замечала перемены в ней, все приставала и приставала.

– Нет, ты постарайся вспомнить, Юль, может соседи есть с такими именами? Или, может, сотрудники?

– У кого сотрудники? Я дома работаю с детьми! И у меня нет Викусь. У меня Валерик, Сергей, Нина и Андрюша.

Юля уже начала сердиться на дотошную соседку. И чего прицепилась с этим женским именем?

– А у Степана? У него тоже нет таких сотрудниц? Может, секретарша там или бухгалтер?

– Секретаршу зовут Натали, – тут же оборвала ее Юля. – В бухгалтерии у них трудятся два мальчика – выпускники финансовой академии. И насколько мне известно, ни Викус, ни Марусь у них в компании нет. А почему вы спрашиваете, Тамара? Как-то странно...

– Ничего странного в том не вижу, – тут же надула губы Тамара и полезла в свою плетеную сумку за сигаретами. – Мой интерес не странен, дорогуша. Станным мне кажется то, что твой любезный Степан постоянно на отдыхе оставляет тебя одну, а сам без конца треплется по телефону с какой-то Викусей. Это тебе как?!

Это было гадко! Юлю даже передернуло.

Это было гадко, и это не могло быть правдой! Чтобы Степка... Чтобы ее Степка трепался без конца по телефону с какой-то посторонней женщиной, в то время как его жена в одиночестве мнет бока на деревянных лежаках на сомнительном пляже! Это неправда!

– Еще какая правда, – фыркнула Тамара, тут же подавившись глубокой затыжкой. – Сама слышала. Ну и... Честно признаться, уже начала его караулить. Как увижу, что он с телефоном из комнаты на улицу, я за ним следом шасть. Спрячусь за углом и...

– Вы подслушивали?! Как вам не стыдно!

Гадливость тут же перекрылась неприязнью к посторонней дотошной тетке, которая, оказывается, развлекает себя на отдыхе тем, что следит за соседями и подслушивает их телефонные разговоры.

– Ну и подслушивала, и что! – Тамара с вызовом подняла тройной подбородок. – А чего он! Говорит, что работает, с тобой на пляж не ходит, а сам с любовницей весь телефон расплавил!

– Какой любовницей!!! Что вы мелете?! – Юля непотребно повысила голос, хотя не позволяла себе этого прежде никогда ни со знакомыми, ни с незнакомыми людьми. – Мой Степан!.. Он никогда себе не позволит! Он такой...

– Какой твой Степан? – Тамара глянула на нее, как на ископаемое, успев фыркнуть. – Ну, какой он, какой? Из другого теста, что ли?

– Из другого! И не смейте так говорить о моем муже!

– Как?

– Гадко и неправильно!

– А правильно с утра до ночи стрекотать с бабой по телефону: «Викусик, ну потерпи, малыш. Викусик, еще немного осталось... Викусик, ну не два, три, а где три, там и четыре». – Тамара неумело передразнила Степана, скроив некрасивую гримасу. – Я сначала думала, может, сестра, племянница или еще кто. А ты сама говоришь, что в помине не знаешь родственников с таким именем... А ты – гадко! Неправильно! Оно и конечно, правильного тут мало. Это все не по чести, не по совести и неправильно, только не мне ты должна о том говорить. Короче, разбирайся со своим кобелем сама. Мое дело было тебе доложить.

– Ваше дело! Да это вообще не ваше дело!

Юля закусила губу, боясь расплакаться.

Что сообщила ей эта неприятная толстая женщина? Что ее Степан подолгу и каждый день разговаривает по телефону с какой-то Викой? И что при этом называет ее малышом и просит потерпеть? Но это же... Это же о чем говорит?! Это на что указывает?! На то, что между Степаном и этой Викторией существует какая-то связь, какие-то отношения, о которых Юле совершенно неизвестно?

Да, видимо...

И связь эта никакого отношения к деловым отношениям не имеет, поскольку деловых партнеров малышами не называют, если, конечно же, с этими самыми малышами не спят. Получается...

Получается, Степан ей изменяет?!

Приехал с женой на отдых в богом забытое захолустье. Почему? Чтобы не тратиться излишне? Чтобы остались средства на «малыша Викуся»?

Просит ее потерпеть? Почему? Хочет жену тут оставить в одиночестве и, сославшись на занятость, уехать пораньше? Или...

Внутри вдруг сделалось очень холодно и противно. Даже замутило от невероятного тошнотворного холода в желудке.

А что, если он собрался развестись с ней, с Юлей, и жениться на неведомой Викусе, что забирала все внимание Степана целиком, не оставляя его законной жене ни капли? Что, если дело зашло так далеко и обратного хода нет? Что, если эти двое уже все решили заранее, а ей ничего не остается, как только сидеть и тихонько ждать, когда Степан объявит о своем решении?

Она же умная женщина, как любил повторять ее милый Степа. Она же не станет приставать к мужу из-за каких-то нелепых подозрений. Она и не приставала никогда прежде. И не подозревала его в измене, если честно. Считала себя счастливой, барахталась, как в теплой морской воде, в своем семейном благолепии и думала, что ее никогда не коснется чаша сия. Что ее благополучно обнесли мимо ее носа. А что получилось?

Получилось, что не обнесли! Получилось, что мордой ткнули и... И как же ей теперь жить со всем этим?! Как?! Как сейчас возвращаться в душную комнату с выкрашенными в розовый цвет стенами и разговаривать с ним? Притворяться, лгать, продолжать делать вид, что ей ничего не известно? Он ведь лжет, почему ей нельзя?

– О, боже мой! – выдохнула она, не сдержавшись.

Тамара тут же обернулась на нее и посмотрела с солидарной жалостью.

– Переживешь, милая, – утешила тут же, взяла под руку и повела по тропинке. – Все через это проходят, поверь. Они, мужики, все одинаковые. Банальные вещи говорю, но правильные. Ты не вырывайся, не вырывайся, а лучше послушай старшую подругу.

– Не хочу я вас слушать, – всхлинула Юля и руку все же выдернула, неприятно было от липких потных пальцев соседки. – Разберусь сама.

– Вот это правильно. Разобраться с ним необходимо. Оставлять на самотек и продолжать делать вид, что ничего не произошло, глупо.

– Почему?

Надо же, как Тамара безошибочно угадала ее трусливое настроение. Она ведь и в самом деле собиралась сделать вид, что ничего не произошло. Собиралась вернуться, заняться стиркой, ужином. Собиралась загрузить себя делами так, чтобы ни на что остальное не было ни сил, ни желания. Чтобы голова гудела от жары и запаха пережаренного масла, а не от мыслей. Чтобы руки дрожали от стиральной доски, а не от желания вцепиться в лживую физиономию мужа, которую всегда считала самой красивой.

Викуся, наверное, тоже так считает. И любит его, наверное, раз звонит по десять раз на день. Скучает, видимо, без Степана. Без ее – Юлиного – Степана, на которого только у нее и есть права.

– Почему нельзя делать вид, что ничего не произошло?! – уточнила вопрос Тамара, качнув головой так, что заходили ходуном все ее три подбородка. – Да потому, что наказать его следует. Безнаказанность у нас что? Правильно, развращает! Пусти ты все это дело на самотек, оставь без внимания, они и дальше продолжат кувыркаться в койке...

– Не надо, прошу вас! – перебила ее Юля, сморщившись.

Представить себе мужа с другой женщиной в постели оказалось очень больно. Думать, видеть, как он эту другую обнимает, целует, прижимает к себе, укладывает на шелковые простыни, сдвигает с плеч бретельки шелковой сорочки.

Почему-то адюльтер у нее всегда ассоциировался с шелком на койке и телах. Тонкий, струящийся, холодный шелк, который она лично терпеть не могла носить. А уж тем более спать

в нем. Это негигиенично. Лучше хлопка еще ничего и никто не придумал для этих целей, в смысле, спать в нем, на нем. Добротный хлопок, не скрипевший под задницей, не высекающий искру при интенсивном движении двух голых тел. Тьфу, сволочи!

Нет! Это невыносимо! Как же он мог вообще?! Уходить каждое утро из дома, каждый вечер возвращаться, ужинать с ней, спать, проводить выходные за городом, а сам...

Находил какие-то промежуточные моменты для свиданий со своей любовницей, может быть, до обеда, может быть, после. Где-то встречался с ней, может, в машине, может, на квартире друга, а то, может, и квартиру снял для Викуси. Средства позволяли, чего не снять.

– Сволочь! – выпалила Юля и остановилась, зажмурившись. – Какая же сволочь! Ненавижу!!! Я с ним разведусь, со скотом!!!

– Ты погоди, погоди горячиться. – Тамара, шумно засопев, снова полезла в сумку за сигаретами. – Развестись всегда успеешь. Только вот зачем? Затем, чтобы Викусе подарок преподнести на блюдечке с голубой каемочкой? Неумно, Юлька. Совсем неумно! В одиночестве мало проку, поверь.

– А что же мне делать?!

– Ну... обдумать прежде всего нужен серьезный разговор. Начать как-то деликатно и...

– Деликатно?! – перебила ее Юля с визгом, надсадив горло. – Деликатно с ним?! С ними обоими?! Да я... Да я не знаю, что сейчас с ним сделаю! Я сейчас убью его, наверное!

– Ну-у, это уж совершенно ни к чему. – Тамара замахала на нее полными руками. – Чего это тебя, подруга, из крайности в крайность? То и вовсе не собиралась ничего ему говорить, а то убью! Так дела не делаются.

– А как? Как они делаются, такие дела?! – Юля смахнула с плеча сумку и уселась прямо на тропинке, подтянув коленки к подбородку. – Я вообще не знаю, как мне теперь быть! Как вести себя! Говорить или не говорить? Не говорить нельзя, вы советуете. А начну говорить, то могу не сдержаться и надаю ему по лицу. Или еще чего хуже!

Тамара попыталась было пристроиться на тропинке рядом с Юлей. Подвернула одну ногу под себя, с третьего раза пристроила грузное тело, поерзала-поерзала, потом встала и со вздохом потянула Юлю с земли:

– Вставай, давай, пошли. Нет проку в этом сидении никакого. Давай вернемся в дом, а там решишь, как и что с ним делать, с кобелем твоим.

Делать ни с кем ничего не пришлось, поскольку кобель на момент их возвращения отсутствовал. Ноутбук был включен. По монитору резво прыгал неоновый шарик, трансформируясь то в эллипс, то в квадрат, в зависимости от какого края отпрыгивал. Очки Степана лежали рядом, мобильного не было.

Снова побежал звонить!

Юля вырвалась из комнаты, едва успев швырнуть сумку на пол. Она сейчас ему задаст! Она сейчас его на месте преступления захватит! Она ему этот долбаный телефон прямо в глотку затолкает в тот самый момент, когда он назовет ненавистное ей имя! Она сейчас...

Степана нигде не было. Ни на летней кухне. Ни возле машин. Ни перед входом. Ни в саду, где наливались соком огромные мохнобокие персики.

Ага! На рынок пошел или в магазин! Ничего, она его и там найдет. Она ему... Она ему сейчас предьявит! Она застолбит свое право быть рядом с ним безо всякого чертового вранья и фальши! Она, если понадобится, и в морду ему даст! Но отдавать никому не собирается! Про развод это она так – погорячилась, брякнула. Не позволит она ни викусям, ни марусям разрывать ее счастье пополам. Она слишком долго в нем беззаботно плескалась, чтобы позволить кому-то пролить хотя бы каплю! Черта им лысого, а не Степку!

Рынок располагался через дорогу. Длинные, крытые шифером прилавки осаждались покупателями, продавцами и осами. Все шумело, галдело, жужжало. Вскрывались с хрустом

арбузные бока для демонстрации зрелости. Надламывались абрикосы, отщипывались виноградины, все предлагалось, навязывалось. Всем хотелось продать подороже, а купить подешевле.

– Красавица, а красавица. – В локоть Юли вцепились смуглые пальцы торговца картошкой. – Посмотри, какой картофель! Посмотри, какой крупный и белый. Одной картофелиной семью накормишь...

Семьи почти не осталось, подумала она тут же с горечью, сдирая с локтя навязчивые пальцы. Семья ею создавалась, береглась, пестовалась. Семья, по ее представлениям или заблуждениям теперь уже, у нее прежде всего была. Ее семья! Она так думала, черт возьми! А что на деле? А на деле оказалось, что семьи-то и нет. Вернее, есть, но не для нее одной. Кто-то отхватил от ее счастливой семьи добрую половину и тянул теперь к своему краю. И кого теперь было кормить картошкой? Кого?!

Ее толкали, зазывали, показывали ей вслед язык, кто-то приценивался теперь к ней уже, а не к содержимому прилавков. Юля ничего этого не видела. Метр за метром она сканировала площадь рынка, пытаясь отыскать среди гомонящей толпы Степана. Она шла вперед, возвращалась, крутилась на одном месте. Пару раз хватала за руки незнакомцев, очень похожих со спины на мужа. Нет, не было Степана на рынке. Она только время зря потеряла, толкаясь в толпе.

С рынка пошла сразу в магазин, благо это было недалеко. Там история повторилась. Она снова и снова обходила прилавки с молоком, пивом, мясные и колбасные ряды, на нее даже стали посматривать от касс с подозрением. Пришлось уйти. Степана в магазине тоже не было.

Зато он успел побывать дома в ее отсутствие! Надо же, а! Пока она носилась вдоль прилавков на рынке, отгоняя от лица надоедливых ос, пока вызывала подозрение у обслуживающего персонала магазина самообслуживания, ее дорогой супруг побывал дома. Выключил компьютер, убрал его в специальную сумку. Поменял трусы на плавки, бросив первые изнанкой наружу прямо ей на подушку. Взял полотенце и снова смылся. Загорать, стало быть, ушел. С ней не захотел, а один – всегда пожалуйста! А может, он не один тут вовсе, а? Может, эта самая Вика приехала за ним следом и они теперь где-то вместе под прикрытием скалистого берега предаются запретной любви?

Юлю едва не вывернуло от собственной подозрительности.

Нет, ну нельзя же так, до такой степени! Так и до сумасшествия недалеко! Нарисовала себе не поймешь что, а основания? Всех оснований – обидный треп случайной знакомой. Она могла ведь и из вредности оговорить Степана. И могло ведь Викуси никакой не быть, а она-то, она! И по рынку бегала, и по магазину, и задышалась от горя, и побить его хотела, и даже убить грозилась.

Нельзя так! Может, Степан совсем ни при чем, а все это – идиотский розыгрыш толстой тетки, которая просто-напросто завидует их счастью. Завидует тому, что Степан ее каждые десять минут в щеку целует, никого не стесняясь. И милой называет, и малышкой, и много еще как – хорошо и ласково. А Тамару никто не целует и не называет, потому что она на отдыхе одна. И вообще одна. Нет у нее ни мужа, ни друга, сама рассказывала. Вот она взяла и...

– Юль, ты у себя? – стукнула в дверь Тамара, будто услышала ее мысли на свой счет. – Одна? – И, не дождавшись ответа, бестактная бестия, толкнула дверь и вошла.

– Привет. Чего это ты притихла? – Заплывшие глаза соседки бегло осмотрели комнату. – Твой-то где? Опять по делам? С телефоном?

– Послушайте, Тамара, – начала Юля сдержанно, чтобы не обидеть соседку излишней резкостью, как-никак еще почти неделю жить бок о бок. – Мои отношения с мужем к вам лично...

– А-а-а, понятно! Небось думаешь, что я это все придумала? – Тамара хихикнула в кулак и замотала головой, глядя на нее жалостливо. – Дурочка. Небось думаешь, что я из зависти

оговорила твоего мужика? Вот, мол, жаба тетку душит, что я с мужиком, а она одна тут задницу греет? Дурочка ты, Юль.

– Извините, Тамара, – пролепетала Юля.

И непонятно было, за что она извиняется. То ли потому, что Тамара мысли ее угадала нехорошие в собственный адрес. То ли потому, что не желала видеть ее и предлагала той покинуть комнату. Но как бы то ни было, неловкая ситуация вогнала Юлю в краску. А Тамаре все нипочем. Она как стояла, так и продолжила стоять, подперев жирные бока кулаками.

– Вижу, купаться ушел. – Она выразительно глянула на Степкины трусы. – Пошли поищем, что ли. С телефоном ушел? Конечно, как он без него?! Пошли, пошли, чего остолбелела! Как раз на месте его и зажучим!

Не хотела Юля никого жучить ни с телефоном, ни без него! И уж тем более в присутствии Тамары. Она и отнекивалась, и отмахивалась, когда приставучая тетка ее за руку на пляж тащила. Правильнее не на пляж, а на то место, которое они с ней же и расчищали.

Нет, ну бесполезно! Тамара, видимо, не знала никаких возражений, не была с ними знакома и не реагировала на слова «нет» и «не хочу». Перла напролом да еще и Юлю на буксире тащила.

– Нету, надо же! – проворчала с сожалением, когда они вышли к морю. – А куда же его черти унесли, а, Юль? Как думаешь?

Юля думать уже не могла. Голова разболелась так, что моргать больно стало. Она затравленно озиралась по сторонам, и все ей казалось, что те немногие отдыхающие, которым очень понравился расчищенный участок берега, смотрят теперь только на нее. Смотрят и ухмыляются. Мол, ищи-ищи, его тут уж и след простыл!

– Погоди-ка.

Тамара линкольном двинулась к пожилой супружеской паре на полосатом пледе, что снимали комнату в доме по соседству. Дошла до них и расплылась в улыбке, забасив тут же:

– Семейству Кочетовых мое почтение. Как водичка, как солнышко?

– Добрый, добрый день, Тamarочка. – завохтала Кочетова, разворачиваясь к Тамаре обвислым дряблым животом. – Водичка чудесная. Солнышко жаркое. Все, как обычно. А вы чего в одеждах?

– Мы уже назагорались с Юлюшкой. Тут проездом, так сказать. Мужика вон ее ищем. – И она ткнула толстым пальцем в Юлину сторону.

Юля в испуге попятилась. Ей вдруг показалось, что Тамара всех собирает посвятить в ту историю, которую рассказала ей по дороге с пляжа заброшенного санатория и которую, возможно, сама же и придумала. Сейчас...

Вот сейчас она откроет губастый рот и расскажет всем, что Юлин красавец-супруг, да, да, тот самый, у которого великолепный торс и ниже пупка в плавках все аппетитно дыбится – это Тамара сама так Степку оценивала, прищелкивая своим злым языком, – что он Юльке изменяет. Изменяет прямо под боком, триндыча день и ночь по телефону с какой-то бабой. А Юлька, дурочка, думает, что это неправда. Что глупые злые люди наговаривают на ее прекрасного блондина. А кому нужно наговаривать-то? Невооруженным взглядом видно, что мужик с такими внешними данными заведомо потаскун. Какие попроще, и то таскаются направо и налево, чего же ждать от таких пригожих? А эта не верит, дурочка!

Юля едва не расплакалась от облегчения, когда Тамара брякнула:

– Обещал нас на лодке покатать, а самого в доме нет. Искали, искали. Не пробегал?

– Это который у Юлюшки муж? Не тот высокий загорелый блондин, за которым шлейфом тянется женское внимание?

Кочетова мелко захохотала, расколыхав жир подо всеми морщинами на теле.

Нет, ну тоже дура-баба! Лет-то уже сколько?! Под шестьдесят, поди, а она туда же – купальник раздельный напялила, да с такими крохотульными плавками, что поседевший лобок выглядывает. Шлейф, понимаешь! Старая карга, а на загорелых блондинов глаза таращит!

Юля попыталась себя одернуть. Господи, чего же это с ней делается, а?!

Она так весь мир начнет ненавидеть. Пока до Викуси дело и руки дойдут, она всех бедных женщин презирать будет. На нее и гнева не останется. Надо успокоиться и взять себя в руки. Ничего же не известно пока, ничего...

– А как его зовут? – продолжала извиваться дряблым морщинистым червем Кочетова на полосатом пледе. – Вашего мужа, Юленька?

– Степан, – ответила за нее Тамара, безошибочно угадав ее состояние и загордив своим мощным торсом Юлю от Кочетовой. – Так видели или нет?

– Видели, – встрял супруг, до этого момента лежавший носом вниз на пледе. – Он был тут, загорал по соседству на полотенце. Правда, недолго. Все-то ему не лежалось, ворочался с боку на бок. Пижон!

– Ну почему же сразу пижон, дорогой? – возмутилась Кочетова. – Мальчик так пригож, что...

– Заткнулась бы ты, что ли! – взорвался, не выдержав, муж, выразительно глянув на резинку ее плавков, сползшую непотребно низко. – Пригож, пригож... Что тебе за печаль, старуха?! У него вон видала какая конфетка в женах ходит! Что ножки, что попка!

– Ага, – лицо Кочетовой перекошило. – Потому от конфеток таких и гуляют, у которых ножки с попкой!

– Слушайте, может, вы прекратите? – слабым голосом взмолилась Юля, еле держась на ногах. – Мне не очень приятно слушать ваши препирательства, а очень хотелось бы услышать, не знаете ли, куда отправился мой пригожий муж, который еще и пижон к тому же?

– Нырять он отправился! Нырять, конфетка. – Кочетов приподнялся на локтях и назло своей жене с медлительной выразительностью оглядел Юлю с головы до ног.

– Нырять? Куда нырять? – не поняла она и тут же снова нырнула под прикрытие Тамары.

– В голубую бухту пошли они с Сержем, – едва раскрывая рот, пояснила Кочетова.

– А кто такой Серж? – поинтересовалась Тамара с кислой физиономией.

Конечно, ей наверняка доставила бы больше удовольствия новость, что Степан ушел нырять с Викусей, к примеру. А тут Серж какой-то нарисовался, в чем же тут нехорошие помыслы?

– Хороший мальчик Сережа из нашего особняка. Приехал один из Пензы...

– Хороший мальчик! – перебил ее муж, передразнивая и сплевывая в ее сторону. – Пензюк пензюком Сережа твой! Пары яиц изжарить сам себе не может! Все по нашим кастрюлям лазает!

– Так я сама позволила ему, дорогой! Я же тебе говорила!

– Позволила она! А меня ты спросила, благодетельница? Я не обязан никаких пензюков за свой счет кормить. Позволила она! – распаялся Кочетов все сильнее и сильнее, прямо пар, кажется, от него повалил, как его разобрало. – Он вон и с мужем с ее тоже на халяву небось прицепился.

– Какая халява?! О чем ты?! Ребята нырять пошли и...

– И попутно за пивом собирались зайти, я слышал, как они переговаривались, – перебил он ее, снова утыкаясь носом в плед, и забубнил оттуда, забубнил: – Вот твой Серж небось снова на халяву. У него даже денег при себе не было. Он в одних плавках как пришел, так с ее мужем и отправился. Какие тут деньги? У мужа ее бумажник был при себе, он его доставал из кармана шорт. А у Сержа я что-то бумажника не заметил! Халявщик хренов!..

Юля развернулась и пошла прочь.

Она знала, как пройти к голубой бухте, прозванной так за то, что когда-то каким-то умником пришла в голову идея выкрасить прибрежные скалы в голубой цвет. Мотив был неясен: из благих ли эстетических побуждений, из хулиганской ли хохмы, а может, и вовсе от скуки, но выкрасили.

Они очень старались, очень! Они, наверное, не спали ночь, угробив не два и не три литра масляной краски, выливая ее прямо через край на камни. Ясное солнечное утро зацементировало плоды их труда настолько, что вот уже который год остаются следы на скалах. Пусть не такие яркие и не так много, но голубоватые разводы в каменных складках все еще присутствовали. Может, со временем соленые морские брызги и вымоют окончательно хулиганский след, но вот названия этой бухте не поменять уже никогда.

Она ведь раньше без названия была совершенно, эта бухта. Чалились тут катера местных рыбаков. Катамараны, лодки, сдаваемые внаем. Выстраивались за ними хилые очереди. Загорать даже кто-то пытался на неудобном каменистом берегу. Местные пьянствовать сюда частенько приходили, оставляя после себя пластиковые «полторашки» со стаканами и пустые пакеты из-под чипсов. Обитаема, одним словом, бывала бухточка. Единственно, чем страдала, это безымянностью. И тут вдруг такой подарок судьбы – серые камни раскрасили, название приклеили и даже сподобились мосток для ныряния соорудить.

К нему сейчас и направлялась Юля.

Можно было бы и не ходить, ей вдруг уже стало неважно, говорит ее муж с неведомой ей женщиной по телефону или нет. Просто очень захотелось его увидеть, прислониться к его плечу, почувствовать его руки на своем затылке, услышать, как он насмешливо шепчет ей что-нибудь на ухо. Может и солгать, конечно, а, да ну и черт с ним, пускай лжет. Главное, чтобы он был тут – с ней, рядом, а все остальное...

Все остальное подождет до возвращения.

Все! Точка! Не станет она чинить никаких разборок на отдыхе. Ни за что не станет, сколько бы ее Тамара ни подначивала. Это ее личное решение, и никому она его корректировать не позволит.

– Юлька, ты чего врехала?! – завопила Тамара где-то позади, за ее спиной.

Юля удивленно оглянулась.

Надо же, а она и не знала, пошла ли за ней следом их тучная соседка, нет ли. Ушла и даже ни разу не обернулась.

– Чего говорю, так приударила? С Серегой из Пензы Степан твой, – подошла к ней Тамара, тяжело, прерывисто дыша. – Никаких баб нет с ними. Чего так ломиться-то?!

– А вам чего, собственно, нужно от меня, Тамара?

Юля вдруг решила, что ей надоела собственная деликатность, которая мешала раз и навсегда избавиться от назойливого присутствия соседки. И она тут же поняла, что станет говорить сейчас грубо и резко. И заставит полную тетку, едва поспевавшую за ней непонятно с какой целью, развернуться обратно.

Пускай идет себе в свою комнату, засядет там за дамские журналы и, перелистывая толстыми пальчиками страницу за страницей, пускай проводит параллели между вымышленными героями из статей и людьми, ее окружающими. Пускай сколько хочет ищет и находит сходства и изумляется, и умиляется, и, что хочет, пускай делает. Но делает пускай все это наедине с собой, в тиши своей крохотной съемной комнатенки, и не навязывает пускай никому своих подозрений, возвращенных на благодатной почве глянцевого дребедени.

Ее-то пускай оставит в покое! Что ей с нее?!

– Мне? От тебя? Юленька... Да ничего мне от тебя не нужно, скорее наоборот. Позволь дать тебе один совет, – круглые, как у совы, глаза соседки моментально наполнились житейской мудростью, которую та готова была изливать все равно на кого с утра до вечера. – Никогда...

– Не позволю! – закричала Юля, отступая от Тамары на два шага. – Не позволю я вам давать мне никаких советов! И преследовать меня не позволю тоже! Оставьте меня... нас в покое! Не смейте за мной идти! Уходите!

– С какой это стати? – Житейская мудрость в ее глазах тут же замерзла, окаменела, сделавшись серой, как те камни, что кому-то пришла в голову идея раскрасить голубым. – С какой это стати я должна уходить?! Ты идешь в голубую бухту, и я иду. Никто запретить мне туда ходить не может. И уж тем более ты – гордячка! Ступай, ступай и на меня можешь больше не оглядываться и не рассчитывать. Тем более что...

Юля только хотела раскрыть рот, чтобы сказать, что она и не думала ни на кого рассчитывать, что ей этого и даром не надо, и за деньги пусть не будет предложено, как поведение Тамары заставило ее промолчать.

Та вдруг резко обогнула ее на узкой дорожке, двинув толстым бедром так, что Юля покачнулась. Встала сусликом, насколько позволяла ей ее комплекция. Точнее, толстым сусликом. Приложила ладонь козырьком к глазам и заохала, заохала.

– Что там? – стараясь говорить насмешливо, спросила Юля.

Ей, конечно же, было интересно, что там вдалеке, метров за триста, сумела рассмотреть востроглазая Тамара. Сама она так далеко, а именно на таком расстоянии теперь от них лежала голубая бухта, видеть не могла. Сто, сто пятьдесят метров – был ее предел. Дальше все сливалось, брезжило и делалось безликим и неразличимым. Врачи не считали это началом близорукости и очки пока не советовали надевать. «Еще успеете, наноситесь». – утешали они ее, выписывая витамины.

– Что там, Тамара? – повторила вопрос Юля, потому что та не ответила, продолжая вести себя с загадочной странностью – то головой покачает, то что-то шептать начнет.

– Что-то там стряслось, Юлька! Одним местом чувствую, что нелады в голубой бухте. Какие-то машины с мигалками туда помчались. То ли милиция, то ли «Скорая», с такого расстояния не разгляжу. Но вот мигалки вижу отчетливо. Либо опять кто напился и подрался. Эти молодые раздолбаи частенько там потасовки устраивают. Мне хозяйка наша рассказывала, что в прошлом году там парня молодого порезали. Давай поспешать, а то не ровен час к нашим мужикам какое хулиганье пристанет.

Дерзить и избавляться от нее Юле тут же расхотелось. Одна она точно не добежит туда, свалится в какой-нибудь овраг от непонятного разом нахлынувшего страха. И будет там валяться в колючках и скулить, как заблудившийся щенок.

Подхватив Тамару под руку, решив позабыть на время о неприязни и о том, что халат на толстушке весь пропитался потом и издает характерный запах, Юля потащила ее бегом к голубой бухте.

Глава 4

– Машка, ты чего такая хмурая?

Маша вздохнула.

Голос одноклассника и закадычного друга звучал в трубке не вполне уверенно. Либо уже был под пивными градусами, либо только что залпом выкурил две сигареты. Он как накурится своей вонючей дешевки, так сразу дурак дураком делается.

– А чему радоваться, Макс? – еще один тяжелый вздох, от которого как-то неприятно сделалось под левой лопаткой.

– Так днюха же у тебя сегодня, Машка! Это же классно!

– Чего классного, Макс? Чего тут классного?

– А тебе чего, не отмечают, что ли?! Че отчим зажал днюху?! Вот козел! – не успев выслушать ответ, тут же поспешил посочувствовать Максим.

– Да нет, не зажали. – Маша хмыкнула, тихо изругавшись. – Они такое устроили, придурки! Отстой, короче, полный! Чаек, пирог какой-то поганый с повидлом! Мать из своей столовки притащила, такое говно, Макс! Жрать не будешь!

– И че – все?! Чаек и пирог из столовки?!

– Ну!

– Ну, ваше... – Макс помолчал немного, потом снова пристал. – А подарили что?

– Про это вообще лучше не спрашивай! – зашипела Маша, прислушиваясь к звукам в коридоре.

Кто-то там точно крался мимо ее двери. Не иначе отчим решил подслушать, о чем она и с кем говорит. Он ведь скроил недовольную рожу, когда она из-за стола с фырканьем выскочила, теперь мог и подслушивать. Хотя и мамаша могла уши погреть под ее замочной скважиной. Той только дай повод погундеть лишний раз, заведется, не остановить.

– Так что подарили, Машка? Чего молчишь? Ты же мобилу просила, ее подарили?

Макс тоже клянчил у своих родителей мобильник. Так же, как и Маша клянчила. Разница заключалась в том, что у Макса уже два телефона перебивало – один потерял, второй пацаны пришлые на улице отобрали, – а у нее ни одного. И Максиму родители обещали новый, а ей...

Ей обещал отец. А его сегодня даже на порог не пустили. И пообщаться даже не позволили, сволочи. И мать на нее наорала, когда она из-за стола в слезах выскочила. И велела ей из комнаты не выходить.

А ей, можно подумать, больно надо из комнаты выходить. Больно надо их рожи видеть. Отчима, его мамаша, его сестры. Уселись за столом – родня тоже нашлась, – сюсюкают, глупые подарки суют.

– Машенька, невеста совсем... – скалилась пластмассовыми зубищами мать отчима – тетя Сима. – Не успеешь, Надежда, оглянуться, уведут девоньку из твоего дома.

Это она специально так говорила, тут же поняла Маша. Специально намекала, что, мол, пускай скорее из дома вытуривается. Замуж, и вон отсюда. Квартира-то отчиму принадлежала.

– Да. Такая красавица в девках не засидится, – поддакивала ей ее дочка – сестра отчима Зоя. – Таковую с руками оторвут.

Им не терпелось, конечно же, чтобы ее оторвали, увели отсюда на веки вечные. Это же в их интересах было – сбегать с рук их сыночка и брата великовозрастную кобылу.

– А я, может, в институт пойду учиться, я замуж не тороплюсь, – подняла она тогда с вызовом нос. – Замуж всегда успею.

Над столом повисла тягучая пауза, в течение которой тетя Сима катала шарик из клейкого теста пирога, а тетя Зоя переводила недоуменный взгляд с сердито сопевшего отчима на покрасневшую до краев домашней косынки мать.

– Какой такой институт? – не выдержала она молчания, сочтя его заведомым согласием. – О каком институте речь, Мария? А содержать тебя кто станет? У матери зарплата грошовая, а Фенечке...

На самом деле ее брата – Машкиного отчима – звали Федором. Но сестра звала его Фенечкой. Так по-дурацки, считала Маша. Они так бисерные плетеные украшения с девчонками называли в далеком детстве – это года два-три назад. А тут мужика называли, как бисерный браслетик на ногу, умереть не встать!

– Что Фенечке? – обнаглела не в пример обычному Маша, взглянув на отчима с возросшим вызовом. – Фенечке это не нужно будет, это вы хотели сказать?

– Машка, замолчи! – прикрикнула мать, шлепнув ладонью по столу.

– А мне ваш Фенечка и без надобности, – ее понесло, не остановить. – У меня родной отец имеется! Олег Невзоров – майор милиции, между прочим. Он меня и выучит.

Тетя Сима, недобро косившаяся в ее сторону, вдруг раскрыла забитый пластиком рот и как взвизгнет:

– Майор милиции он у нее, скажите, пожалуйста! Да что с твоим майором делать-то?! Что на его зарплату сделать можно?! Пельмени магазинные упаковками жрать и только?! Выучит он ее! Ага, как же, выучил уже! В одном пальтеце четвертую зиму ходить станешь!

– Не смейте так говорить о моем отце, вы!.. – «твари» она добавила уже про себя, еле еле удержавшись от произношения вслух. – Он очень хороший! А пальтецо... Пальтецо мне ваш Фенечка и купит, не за красивые же глаза моя мать с ним живет!

– Ах ты, паскуда, – со всхлипом выдохнула мать, откинувшись на спинку стула и принялась обмахиваться кухонным полотенцем, повторяя без конца: – Ах ты, дрянь такая! Мы ей день рождения организовали, подарков накупили, а она... упрекать мать вздумала...

Несправедливостью от ее слов несло чудовищной. Все было враньем, фальшью, гадким искажением. Отец часто ссорился с матерью из-за этого, может, и разошлись по этой причине. Но разве с ней сейчас поспоришь, когда она села на своего любимого конька. Теперь пока за упокой не закончит, не остановится.

День рождения они ей организовали! В гробу она видала такой день рождения! Сидят за столом чужие, неискренние люди. Хлебают водку, заедая ее костлявой селедкой. Пьют чай с клеклым пирогом. Мать ей даже ее любимого салата с крабовыми палочками не сделала, хотя она и просила.

Дорого, говорит, одних ингредиентов на сотню рублей закупить надо. Как много – сто рублей! Обсмеешься! А селедку Маша не ела. И рулет из требухи не ела тоже. Картошку тоже приготовили не по ее. Она пюре любила, а они сделали кругляшом, облив вонючим растительным маслом. Выходило, что за праздничным столом ей ничего, кроме пирога, не полагалось. А пирог был так себе.

Про подарки вообще разговор отдельный. Маша, когда развернула упаковки, чуть не заплакала с досады.

Мать с отчимом подарили ей тапки домашние и пижаму байковую в крупную клетку. Она даже примерять не стала, зашвырнув ее в угол. Она что – проказница из психушки, чтобы такое дерьмо на себя надевать?! Тетя Зоя принесла бусы стеклянные, уверяя, что это горный хрусталь. Ага, как же, хрусталь! Видала такой хрусталь Маша пару дней назад в местном ларьке, три рубля за килограмм украшение стоит. Но тетя Сима, конечно, перебила всех своим подарком. Она Маше набор «маленькой феи» принесла! Это же...

Это же чокнуться нужно основательно, чтобы до такого додуматься! Ладно бы лет шесть-семь назад она ей его подарила, тогда бы Маша обрадовалась и ногтям клеенчатым, и водичке туалетной в пластиковой бутылочке, и наклейкам с Барби. Но когда тебе исполняется тринадцать лет!..

А отца не пустили, твари! Она так его ждала! И не из-за подарка даже, а просто соскучилась. Его ведь к ней не пускали, а ее к нему. У школы он ее тоже дожидаться не мог, при его-то бешеной работе. Теперь вот и вовсе каникулы, какая школа.

Кончилось тем, что Маша рассопливилась и выскочила из-за стола, запершись в комнате, которую ей выделил Фенечка. Тьфу-тьфу и еще раз тьфу от них ото всех!..

– Да, Машка, это труба! – пожалел ее Макс. – И как же теперь тебе с отцом увидаться?!

– А я знаю! Они за мной секут знаешь как! В магазин даже одну не отпускают. То тетю Симу приставят, то тетю Зою, живут эти гадины в одном с нами дворе. Не прощу матери этого никогда! Ни за что не прощу!!!

– Короче, я правильно понял, – продолжил бестолковиться Макс, – мобила твоя накрылась?

– Какая мобила, Макс?! Ну какая мобила?! Мне пижаму в клетку подарили! И «маленькую фею», а еще бусики стеклянные, будто я папуаска какая. – Маша, не выдержав, заревела. – Уроды, блин! Такие уроды..

– Слышь, ты не реви, а?

Макс тут же засопел, засопел, он не любил, когда его закадычная подружка плакала, он тогда терялся и знать не знал, что нужно в таких случаях делать. Двинуть по плечу, как пацана, и прикрикнуть, чтобы сопли не роняла, он не мог. Машка все же была девчонкой и классной девчонкой, лучше всех – если уж быть точным. Двинь он ее по плечу, вдруг ей станет больно. Как тогда утешать? Обнимать, что ли?! Это нет, этого Макс допустить не мог, стеснялся, хотя и представлял не раз втайне, как он с Машкой того... целуется даже. Но одно дело в мыслях, а другое на самом деле. На самом деле он не мог, он стеснялся. Очень!

– Машка, хорош орать, щас трубку брошу, – забасил Макс сердито, хотя от жалости к подружке в носу защипало. – Все еще наладится, вот увидишь. А что касается твоего отца... Хочешь, я к нему схожу сам?

– Ты? Ты пойдешь к моему отцу?! – Маша поперхнулась слезами.

– А что такого-то? В лоб он мне не даст! – фыркнул Макс, хотя тут же пожалел о своем обещании.

Милиционеров он не терпел чисто по принципиальным позициям. Его старшего брата избили постовые однажды так, что врачам пришлось удалить селезенку. И что? Кого-нибудь наказали за это? Как бы не так! Брата еще и обвинили, задирались, говорят. Нарушал порядок.

Опять же квартиру у бабули обнесли какие-то гастролеры. Думаете, нашли воров? Даже искать не удосужились.

Да и сам Макс уже успел с представителями органов правопорядка познакомиться не в лучшей обстановке. Пара приводов уже имелась в детскую комнату милиции. А за что?! Да за пустяк пустяшный!

Первый раз нечаянно задел мешок с семечками у торговки, та шум подняла и к тому же оказалась теткой какого-то следака. А второй раз пошутил с второклассником на перемене. Взял мобильник поиграться, хотел вернуть после школы. Тот ушел, не дождался. А на следующее утро вернулся с родителями и с милицией. Все были злы и непримиримы, и верить Макс никому не желал.

Были и еще кое-какие провинности, но это так все, по мелочам. За это не сажают, любил повторять его брат, который ненавидел милицию люто.

– Так он же мент, Макс! Я же знаю, как ты к ним относишься, – вздохнула Маша, забиваясь в угол своей кровати. – Станешь ты его ждать часами, да?

– Почему часами?

– Да потому что он и сам не знает, когда уйдет, когда вернется. Работа у него такая ненормальная.

– Ненормированная, Маш, а не ненормальная, – поправил ее со смешком Макс. – Ладно тебе, не переживай за нас. Если не застану, я ему записку оставлю в двери.

– Правда?

Маша растерянно поморгала.

Надо же, как просто! А она и думать не могла, что выход из поганого положения, в которое ее вогнали отчим Фенечка с мамашей, может быть так незамысловат. Всего и делов: передать послание через Макса и назначить отцу встречу возле их дома у подъезда в какое-нибудь удобное для него время. Как установить это самое время? Так снова через Макса.

– Слушай, Максик, – зашептала она, косясь на дверь, за которой точно кто-то ее подслушивал, – давай завтра встретимся, я передам записку для отца, потом ты мне передашь от него и...

– Ты не тарихти, не тарихти. Давай все по порядку.

Макс рассмеялся, очень довольный своей сообразительностью.

Вот и нашелся способ ее утешить, и обнимать не пришлось, и с поцелуями лезть. Голос у подружки сразу повеселел. Плакать она перестала. А если он еще все сделает так, как она хочет, то вообще жизнь у нее наладится. А вместе с ней и у Макса. Машка, она ведь когда веселая, на такие хохмы способна, что месяц вспоминать станешь.

– Где встречаемся, Маш?

– Давай завтра возле моего подъезда часов в девять утра, – попросила Маша.

– В девять? Так рано?! Я к обеду только проснусь!

– Позже нельзя. Позже Фенечка с работы приползает. И мамаша его к нам является. Раньше мать дома. Она к девяти на работу уходит. У нас с тобой и есть минут двадцать. Так как, проснешься?

– Ладно, чего же с тобой поделаешь! – вздохнул Макс. – Завтра в девять возле твоего подъезда. Смотри не опаздывай!

Он сам опоздал на десять минут. Маша уже начала нервничать, без конца посматривая на дешевые пластмассовые часики на левом запястье. Это отец ей дарил на десять лет. Мать тогда еще, помнится, орала на него. Считала, что ни к чему ей в таком возрасте на часы без конца таращиться да перемены в школе ждать. Он все равно настоял, и Маша часы в школу носила.

– Машка, прости, еле поднялся.

Волтузя дворовую пыль, Макс подлетел к ней, тараща заспанные карие глазищи, в расстегнутой до пупка рубашке, в разных носках, сланцах и шортах ниже колена.

– Чего носки-то разные? – улыбнулась она, подходя к скамейке возле подъезда и усаживаясь на нее.

– Какие они разные? Что один черный, что второй.

– Так на одном галочка красная, а на втором надпись белыми нитками. Эх, ты! – Она потрепала его по всклоченной макушке. – Ладно, хорошо что хоть вообще пришел. На вот, держи письмо отцу. Передай лично в руки! Если не застанешь, то лучше еще раз сходи, в ящик не бросай в почтовый. У нас там постоянно кто-то почту таскал. Вдруг и письмо вытащат. Да и кто знает, может, мамаша до сих пор туда ходит, почту проверяет. Она что-то такое говорила про районную газету. Вроде выписала, а адрес не перевела. Может, и лазает до сих пор по ящику. Передашь?

– Сказал же, ну! – Макс зябко передернулся и широко зевнул, покосившись на подружку. – Ты как сама? Ничего?

– Да так, – она пожалала худенькими плечами под дешевой вязаной кофточкой с короткими рукавами. – Живу, как в тюряге! В магазин с бабушкой, из магазина тоже с ней. А какая она мне бабушка, Макс! Она Феньке родня, а мне никто! Нет же, мамаша перед ними стелется, как дура. Что ни скажут, не спорит с ними. Во дворе мне делать нечего, по их понятиям, тут

одни хулиганы болтаются. На дачу надо ездить, к земле привыкать. Каждый выходной там! Прикинь, как мне весело, Макс!

– Да-а-а, тоска...

Макс, погрузнев, виновато опустил голову. Делиться с подружкой своей радостной новостью передумал мгновенно.

Родичи вчера вечером объявили, что через неделю они всей семьей на юг поедут. Если у них не получится, то с братом их отправят стопудово. Он вчера скакал по квартире как ненормальный от радости. Машке начал сразу звонить, да ее не позвали. Мать или бабка там – по голосу не понял – сказали, что она уже спит. Но чтобы Машка спала в половине девятого вечера, Макс не поверил, конечно. И решил новость приберечь до утра. А теперь что? Теперь молчать придется. Не травить же человека.

– Чего хоть отцу написала? – слегка толкнул он ее локотком в бок. – Жалуешься?

– Жалуюсь, – согласно кивнула Маша, опуская голову. Поелозила носком босоножки по пыльным шкуркам от семечек и пробормотала со вздохом: – Хотя что он может, отец? Ну, посочувствует, ну пожалеет, что мне с того? Воевать за меня он с ней точно не станет.

– А почему? Взял бы проявил характер, власть применил. Он же у тебя кто? – Макс недоуменно дернул худенькими плечами, на которые вот уже который месяц безрезультатно пытался нарастить мышцы, ворочая гантели. – Он же у тебя мент! Значит, при власти. Как бы приструнил Фенечку этого! Наверняка, какой-нибудь косяк в его бизнесе имеется.

– Вот надо сначала узнать, а потом уже милицию привлекать! – фыркнула Маша, зачерпнув пыли носком босоножки.

– И узнаю!

– И узнай! А пока письмо лучше передай из рук в руки, ладно? А то вон мамаша показала из-за угла.

Она сунула переломленный пополам конверт Максиму в руки. Удостоверилась, что тот убрал его в карман шорт, и, быстро простившись, побежала к подъезду.

Объясняться на глазах у Макса с матерью, с которой по ее мнению в последнее время творилось бог знает что, ей было неловко. А точнее, стыдно за визгливый голос матери, за глупые слова, которые та употребляла. За развязные манеры, обнаружившиеся вдруг как бы из ниоткуда в браке с Фенечкой.

У Макса семья была прочная, приличная и совсем не такая, как теперь у Маши. У них все было дружно. Они были всегда вместе и рядом и в радости, и в горе, и в работе, и в отдыхе. Еще давно, еще тогда, когда они все вместе жили вполне сносно с папой, родители Макса приглашали ее к ним на дачу.

Как ей там понравилось!

У них на даче было совершенно не так, как у мамы с Фенечкой. Не было капустных и помидорных грядок, а были цветы. Не было посажено картошки, а была посеяна какая-то сортовая трава. По ней брат Макса утром проезжал косилкой, и в воздухе потом долго носился сочный аромат срезанной зелени.

И смородиновых кустов у Макса на даче не было тоже, и вишен с яблонями. Вместо них плотным частоколом росли березы, между них растягивались гамаки, где семейство после полудня предавалось дремоте.

Еще позади двухэтажного дома асфальтированная площадка имела с баскетбольным кольцом. Они с Максом тогда набросались мячика в нее до кругов в глазах.

Потом ужинали. Не за столом! Не под березами! А на берегу пруда, что располагался метрах в десяти от забора их дачи. Пришли всем кагалом со складными стульчиками и столом. Располагались минут двадцать, смеясь и гомоня. Потом сели ужинать. Долго ужинали! И рыбой под маринадом, и картошкой, которую специально для Маши потолкли с маслом и жареным луком, и мяса нажарили столько, что на следующий день доедать пришлось. Вкусно было так,

что Маша, невзирая на стеснение, жевала не переставая. А потом чай пили из старого самовара, растопив его сухими еловыми шишками. Сушки были с маком и конфетки в дешевых обертках, но с такой потрясающей абрикосовой и сливовой начинкой, что Маша, не удержавшись, тайком сунула себе пяток конфет в карман...

– Чего это в такую рань поднялась? – Мать осторожно пристроила на скамейку две большие сумки, поправила косынку на голове и неодобрительно покосилась в спину улепетывающему Максусу. – Этому что надо было? Тебе сколько раз говорить, держись от него подальше! Нашла с кем дружбу водить!

– А чем он тебе не нравится? – моментально вскинулась Маша.

– А тем! – Мать снова ухватила за сумки и кивком подбородка приказала Маше открыть ей подъездную дверь. – Идем уже, будешь еще препираться тут со мной на глазах у соседей! Мать ей слово, она сорок! Сопля еще, чтобы перечить. Нет бы, помогла сумки до квартиры дотащить.

Маша дождалась, пока мать пройдет через удерживаемую ею дверь на тяжелой пружине, забрала одну из сумок и молча поплелась с ней вверх по ступенькам.

Мать продолжала бухтеть ей в спину:

– Нашла себе друга! Лучше ведь поискать, да негде. И хулиган, и учиться не учится, и семья у них вся ненормальная!

– Чем же она ненормальная, ма? – слабо возразила Маша, постоянно с теплом вспоминающая о семье Макса. – Очень хорошие люди.

– Ага, хорошие. Мамаша на мотоцикле в кожаном костюме носится, как проститутка какая-нибудь. Курит! Отец до сих пор по бильярдным ошивается. А братец чуть в тюрьму не сел, во как!

– Он не был виноват. Это была ошибка!

– Ага, рассказывай, – мать фыркнула, останавливаясь возле двери Фенечкиной квартиры, порыскала по старомодной сумке в поисках ключей, нашла их в кармане и вставила в замочную скважину, тут же не удержавшись, чтобы не уколоть, спросила: – Разве отец твой когда-нибудь ошибался?

– Папа... Он...

Маша замялась, не зная, что и сказать. Мать была великим провокатором, она запросто могла обронить эту фразу лишь для того, чтобы снова наговорить кучу гадостей об отце. А вовсе не за тем, чтобы доказать безупречность несения им службы. Она оказалась права. Мать тут же обрадовалась и понесла:

– Папа, он, конечно, не ошибается. Папа же у нас кто? Ангел! Это другие милиционеры способны на ошибку, на беспредел, на бессердечность, на выходки всякие, а папа нет! Папа у нас – супермент! Папа у нас... А ты знаешь, как мне с ним весело жилось все эти годы?! Знаешь, как это жить с мужиком, будто по протоколу! Будто на допросе каждый раз пребываешь?!

– Не врала бы ему, он бы и не допрашивал.

Маша всегда обижалась, когда мать начинала говорить так об отце, и спорила всегда с ней, но ни разу прежде не решалась ей намекнуть на то, что мать изменяла отцу. А теперь вот не сдержалась.

– Что-о-о?! Да как ты... – Мать швырнула на пол свою сумку, там что-то звякнуло, булькнуло, не иначе опять вчерашние щи из своей столовки притащила. – Как ты смеешь, мерзавка, говорить мне такие вещи?! Кто ты вообще такая?!

– Вообще-то я твоя дочь, – бунтовать так бунтовать, решила Маша. – И вещи я тебе говорю правильные. Ты же все время врала отцу. Врала, изменяла ему с дядей Федей. Деньги жила отцу даже на сигареты, не говоря уж о том, чтобы дать ему на обед в кафе.

– Нечего! Не бариня, чтобы по кафешкам харчиться! – заорала мать, присела перед сумкой на корточки, ошупала ее, убедилась, что банка не разбилась и похлебка цела, повеселела

чуть. Тут же ткнула по банке ногой. – Щи, вишь ли, ему мои не нравились! А какая разница?! Не такие, что ли, щи ему в его кафе подавали? Только эти бесплатные, а за те нужно было деньги платить. И от котлет морду вечно воротил. Ты, говорит, своих наделай. А эти чьи, морда ментовская? Эти чьи? Эти тоже мною выделаны... А что врала и изменяла... Правильно и делала. Бабий век короткий, пока он своих урок по подворотням ловил, я бы сорок раз составила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.